

# ОЛЫГА ВОЛОДАРСКАЯ

НИКАКИХ ЗАПРЕТНЫХ ТЕМ



**ТРЕВОЖНОЕ  
ЭХО ПУСТЫНИ**

**Ольга Геннадьевна Володарская**  
**Тревожное эхо пустыни**  
Серия «Никаких запретных тем.  
Остросюжетная проза О. Володарской»

*Текст предоставлен издательством*  
[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=67841139](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67841139)  
*Тревожное эхо пустыни: Эксмо; Москва; 2022*  
*ISBN 978-5-04-171430-7*

### **Аннотация**

Артур был самым завидным сочинским холостяком. Скромная уральская девушка Натка познакомилась с ним в сети и очень сомневалась, будто у них получится что-то серьезное, но полетела в гости. И все было прекрасно до тех пор, пока за Артуром не пришла полиция. Ему предъявили обвинение в убийстве бывшей!

Я не виновен, уверял он Натку. Но как верить тому, кого почти не знаешь? Девушка стала подумывать об отъезде домой, особенно после того, как заметила, что за ней следит другая бывшая Артура...

А в то же время в Сочи приехал журналист Дмитрий Правдин. Он искал убийцу. Матерого. На его счету десятки жизней. Женщина, что была снайпером в Афганистане и расстреливала пленных, своих же соотечественников, поменяла несколько имен, но Правдин знал ее как Фатиму по кличке Шайтан. Он даже не

надеялся на личную встречу, но она состоялась и закончилась совсем не так, как он предполагал...

# Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	22
Глава 3	45
Глава 4	57
Конец ознакомительного фрагмента.	87

# Ольга Володарская

## Тревожное ЭХО пустыни

© Володарская О., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

\* \* \*

*Все персонажи и события этой книги  
вымышлены.*

*Любое совпадение случайно...*

# Часть первая

## Глава 1

Самолет снижался. Наташка неотрывно смотрела в иллюминатор. Это был первый в ее жизни полет, поэтому она не стала экономить и заплатила за хорошее место.

– Уважаемые пассажиры, мы готовы к посадке, – объявил командир экипажа. – Через двадцать минут мы прибудем в международный аэропорт города Сочи. Погода за бортом прекрасная, плюс двадцать два.

О да! Двадцать два для первой половины апреля – это прекрасно. На Урале, откуда Наташка родом, сейчас около нуля, местами лежит снег, на небе свинцовые тучи – эта весна выдалась холодной и мрачной. Поэтому она так радовалась теплу и солнцу Краснодарского края. Наташа видела зелень скверов и парков, сверкающую гладь моря, искрящиеся вершины гор в пенке облаков. И все это под лазурным куполом неба. На юге она уже бывала. В детстве с мамой и в двадцать лет с институтскими подружками. Но тогда они добирались поездом и автобусом. Отдыхали в Лазаревском и Кабардинке. Им все нравилось, но дорога утомляла. А на самолете одно удовольствие лететь, два с половиной часа – и ты в субтропиках. И, главное, это совсем не страшно!

Наталья Караулова летела в Сочи не просто на отдых. Да, погулять вдоль моря, погреться на солнышке – это здорово, но купаться она не решится, а что это за отпуск без водных процедур? Зарабатывала она не так много, чтобы позволять себе такие вояжи. Да и в счет отпуска ей дни со скрипом дали. Спасибо начальнице, подсуетилась. Но только после того, как узнала, что подвигло Наташу на незапланированное путешествие.

– К парню летишь? – ахнула она, услышав причину.

– Ага, – смущенно кивнула головой Наташа. Она никому на работе не рассказывала о своем двухмесячном виртуальном романе с парнем по имени Артур.

– Билет, надеюсь, он тебе оплатил?

– Предлагал. Но я отказалась. Мы еще не виделись, я не хочу быть ему обязанной.

– Молодец. Потом, если все получится, и деньги вернешь, и с подарками домой полетишь. Мне варенье из айвы привези, очень я его люблю.

Наташа пообещала начальнице гостинчик. Если что, сама купит на рынке. В то, что все пройдет прекрасно, она верила. Но доля сомнений, конечно, присутствовала, потому что о неудачных виртуальных знакомствах писали больше, чем о счастливых. Куда ни глянь, истории обманутых барышень. Да что далеко ходить, тетка Наташина, родная мама сестра, попала в сети интернет-обольстителя. Они тоже долго общались и по телефону, и по видеосвязи, но, когда она

приехала к нему в Питер, оказалось, что живет мужчина в квартире с бывшей женой и двумя детьми, работает не машинистом, как говорил, а кондуктором, попивает, и росту в нем не сто восемьдесят сантиметров, а от силы сто семьдесят три. Последнее, естественно, было не так важно, и все же любая ложь неприятна. Тетка провела у «жениха» два дня. Он не показал ей Северную столицу, как обещал, только свой дурной нрав продемонстрировал. Бывшая супруга от него не отстала, порезала пальто. Даже кот был в сговоре, он напрудил в теткины ботинки. Та поменяла билет и вернулась на Урал раньше срока. С тех пор прошел год, а она так и не поняла, зачем мужчина все это затеял. Ради секса? Или чтобы позлить жену? А может, до конца не верил в то, что невеста приедет. Он, в отличие от Артура, денег на билет не предлагал.

Наташа со своим кавалером познакомилась в группе любителей стендапа. Она с удовольствием ходила на выступления комиков, как известных, приезжающих в их город с концертами, так и начинающих. Последние пробовали свои силы в демократичных молодежных барах. Им ничего не платили, разве что угощали пивом и гренками. У Артура же был свой ночной клуб «Лиловый слон». Точнее, принадлежал он его отцу, но управлял им именно сын. И приглашал комиков для выступлений. Как начинающих, так и именитых. Лично знал почти всех звезд этого жанра, о чем свидетельствовали фотографии. Увидев на одной из них своего любимого Ти-

мура Каргинова, Наташа не удержалась и написала Артуру. Спросила, как ему понравился живой концерт. Сама она так и не смогла на него попасть. Купила билет, да началась пандемия, и мероприятие отменили.

Между молодыми людьми завязался диалог. Сначала они просто переписывались, обменивались голосовыми сообщениями, потом стали друг другу звонить. Недели через две Наташа поняла, что Артур ей не просто приятен, она в него влюблена. Но эмоции свои девушка при себе удержала. Они ее саму испугали, а что подумает Артур, когда догадается о ее чувствах? Решит, что она чокнутая! Да еще отчаявшаяся. В реальности выбрать не из кого, вот она и втюривается в виртуальных принцев.

Еще через неделю оказалось, что Артур увлечен Наташей не меньше. Он признался ей в этом без какого-то страха и стеснения. Сказал, что мечтает познакомиться с ней в реальности, и пригласил в гости.

– Ой, это так неожиданно, – пробормотала Наташа, едва сдержав вопль радости. – Я подумаю.

– А чего думать, Натка? Кидай данные паспорта, я тебе билеты закажу.

– У меня работа, – напомнила она. Трудилась Наталья Караулова старшим лаборантом на лакокрасочном заводе.

– В пятницу вечером вылетишь, в воскресенье вернешься, в понедельник поскачешь на свой завод.

– Но мне еще до аэропорта ехать. Я в ста километрах от

города живу.

– Ты говорила, – кивнул своей кудрявой головой Артур. – Но такси круглосуточно ходит, не так ли? Давай я тебе денег на него перечислю? У тебя карта к номеру привязана?

– И все же дай мне время на раздумье.

– Сколько? День-два?

– Неделю.

– Значит, на этой не увидимся? – разочарованно вздохнул Артур, но давить не стал.

Наташе потребовалось гораздо больше времени на то, чтобы решиться на поездку. И от денег Артура она отказалась. Его щедрость, легкость, внутренняя свобода ее немного пугали. С такими как он Натка близких отношений не имела. Встречалась с себе подобными, простыми ребятами. Первым ее парнем был сокурсник, вторым установщик пластиковых окон, третьим помощник стоматолога. С последним она жила полгода, но рассталась из-за непримиримых противоречий. Наташа считала, что они должны обеспечивать себя сами, а ее сожитель ждал помощи от родителей. Им же всего по двадцать два, пусть квартиру им снимают, продукты покупают, а уж на одежду и развлечения они сами себе заработают. Он без стеснения просил у своих предков деньги, а Наташка так не могла. Отец водитель, мама медсестра, есть брат младший. Откуда у семьи Карауловых лишнее?

После разрыва с помощником стоматолога Наташка вернулась в отчий дом. Сейчас ей уже исполнилось двадцать че-

тыре, и она ни с кем не встречалась.

Самолет тем временем снизился. Натка прилипла к иллюминатору, чтобы не пропустить момент, когда шасси коснется полосы. Не знала, что изрядно тряхнет, когда это случится. Когда началось торможение, она откинулась на спинку и закрыла глаза. Страшно стало именно сейчас.

Послышались аплодисменты. Наташка тоже похлопала пилоту, а потом полезла за телефоном. Переведя его из авиарежима в обычный, набрала номер Артура. Тот трубку не взял.

Натка напряглась. Не слышит? Перевел на беззвучный? Или в машине оставил?

Все может быть. В том числе то, что Артур просто над ней посмеялся! Зазвал наивную дурочку в гости, а сам и не думал с ней встречаться? Сидит сейчас в своем клубе с друзьями и угорает над ней...

– С вами все в порядке? – обратилась к Натке сидящая рядом женщина. Ей было лет пятьдесят семь, и весь полет она проспала.

– Нормально.

– Лица на вас нет. Переволновались?

– Есть такое. Это мой первый полет.

– А мой – тысяча первый, наверное, – усмехнулась попутчица. – Мотаюсь из Сочи в Оренбург по несколько раз в месяц. Сын там у меня. А с недавних пор и внук. Навещаю, помогаю. Больше некому.

– Переехать не думали?

– В Сочи у меня гостиница, которую на чужого человека не оставишь. Магазинчик при ней, кафе. Все деньги тут... – Она достала из сумочки влажную салфетку и протерла ею лицо. – А еще море, солнце, фрукты. Не хочу я на Урал. А сыну там нравится. Учился в Оренбурге, женился, остался.

Натка снова набрала Артура. Опять долгие гудки, но никакого ответа.

– Почему так долго не выпускают из салона? – спросила она у соседки.

– Кто-то важный прилетел или улетает. Он в приоритете. А мы посидим, подождем. – Женщина, довольно полная, повернулась к Наташке всем корпусом. – Меня Верой зовут.

– А по отчеству?

– Понимаю, что гожусь тебе в матери, но давай без него.

– Я Наташа.

– Очень приятно. Тебя встречают?

– Надеюсь. – И бросила короткий взгляд на безжизненный экран телефона.

Вера это заметила и успокаивающе похлопала попутчицу по руке.

– Если что, я тебя подвезу. За мной кум приедет.

– Это кто? Брат мужа? Или супруг сестры?

– Крестный моего сына. – Вера достала еще одну салфетку, протерла ею шею. – Приливы, будь они неладны, – проворкотала она. – Наследие давно наступившего климакса.

Никак не пройдут. Тебе куда, Наташенька?

Она не знала что ответить. Артур хотел заселить ее в гостиницу своего дяди, расположенную в районе дендрария. Но если он не встретит, то... Наташке придется самой устроиваться. И конечно, в какой-то другой отель. Не попроситься ли к тете Вере?

Она уже хотела сделать это, как ожил телефон. Номер определился незнакомый.

– Алло.

– Натка, привет, это Артур! Я телефон где-то забыл. То ли в кофейне на столе, то ли в магазине на прилавке. Хорошо, что твой номер помню. Прилетела?

– Да, сели, – радостно пискнула она. – Но нас пока не выпускают из салона.

– Ага. Значит, успею отыскать свой телефон. Буду ждать в зоне прилета.

– До встречи.

– Неужто мы наконец увидимся? Я так рад.

А уж как была Наташа рада! И крайне взволнована. Перед посадкой себя в порядок привела, макияж нанесла, расчесалась, освежила дыхание, но решила еще раз проверить, все ли в порядке.

– Красивая, красивая, – улыбнулась ей Вера. – Бледненькая только, но это поправимо. Сейчас солнце ласковое, загар отлично ляжет.

Да, он очень бы освежил Наташу. А то серая, уставшая.

Последние полгода много работать на подменах приходилось – лаборанты болели, и она за них выходила в смены. В отпуск не удалось куда-то съездить, только на дачу, где не столько отдыхаешь, сколько в огороде пашешь. Но летом Натка все же хорошо загорела. У нее кожа смуглая, глаза карие, а волосы светлые. В детстве льняными были, сейчас же просто золотисто-русые. Некоторые не верили, что это природный цвет. Но Наташа если что и делала с ними, то только ромашкой ополаскивала, чтобы летом лучше выгорали.

– Парень встречает, да? – догадалась Вера. Натка подтвердила кивком. – Наш, местный?

– Ваш.

– У нас ребята хоть куда. Только женским вниманием избалованные, поэтому себе на уме. С ними надо сдержанно себя вести. Но не смотреть свысока. Они этого не любят. Даже русские да белорусы, что выросли в Краснодарском крае, гордые кавказские орлы.

– Мой точно. Он армянин. Но не чистокровный. Его мама наполовину украинка, наполовину еврейка.

– Гремучая смесь! – хохотнула Вера. – Красавец, поди?

– Я бы не сказала...

Артур объективно был всего лишь приятным, обаятельным. Большие глаза, широкая улыбка, растрепанные смоляные кудри, которые парень иногда убирал от лица резинкой, чтоб не мешали, а не укладывал, как большинство современных модников. Ему шли щетина и пирсинг брови. И НЕ...

шел толстый вздернутый нос. К такому лицу бы тонкий и длинный еврейский, массивный армянский, но никак не славянская картофелина. Но она бросилась в глаза лишь вначале. Теперь же Натка не замечала никаких изъянов во внешности Артура. И к худобе его она привыкла. Ей всегда крепко сбитые парни нравились. Эдакие борцы. Артур же походил на баскетболиста: высоченный, узкокостный, поджарый. Мама про таких говорила – из породы гончих. Но Артур бегать не любил. Он раскатывал по городу либо на авто, либо на моноколесе. Увлекался не только стендапом, но и музыкой, яхтингом, модой. Сам одевался стильно и имел коллекцию винтажных рубашек от кутюр. Для того чтобы пополнить ее, открыл свой собственный секонд-хенд.

– Ура, нас начали выпускать! – воскликнула Вера.

– Наконец-то, – обрадовалась Наташа, вскочив, чтобы достать с полки свой чемоданчик.

Выпустив соседку в проход, попутчица сказала:

– А телефон мой все же запиши. Вдруг пригодится?

– Диктуйте.

Вера так и сделала. Натка сохранила номер и в потоке остальных пассажиров направилась к выходу.

Ее сердце колотилось так сильно, что kloкотало в ушах. Ладони потели. Одна прилипла к ручке чемодана, вторая к телефону – Наташка не убрала его в карман. Шагая по «рукаву», она смотрела на свое отражение в стекле. Испуганная, ссутулившаяся, плохо одетая девушка казалась ей крайне

непривлекательной. Натка выбрала для полета лучшие свои джинсы, толстовку, на курточку «Поло» разорилась. Взяла со скидкой, и все равно за «коротышку» отдать десять тысяч не сразу решилась. Отправляясь в путешествие, она смотрела на себя и думала, как же она хороша. Современная, энергичная, симпатичная. Под стать Артуру. Жаль, уверенности в себе не хватило надолго. И трех часов не прошло, как Натка поплыла...

Двери с приветственными надписями разъехались, и она вышла в зал прилета. Среди толпы встречающих сразу узнала Артура. Он возвышался надо всеми, это раз. Два, держал в руках огромный букет цветов. И не банальные розы или лилии. Не пионы или хризантемы. Какую-то чудо-композицию из разноцветных бутонов, веток, листьев, колосков. Артур поднимал ее над своей курчавой головой и улыбался во все тридцать два зуба.

– Натка, привееееет! – прокричал он. – Добро пожаловать в Сочи!

– Привет, – тихо ответила ему она и потупилась. Если можно было бы сравнить ее чувство к нему с батареей на сотовом телефоне, то до этого момента она была заряжена на девяносто процентов. Но как только Наташка встретилась с Артуром глазами, уровень подскочил до сотни.

Батарея загрузилась на полную! Наташа поняла: она ЛЮБИТ по-настоящему...

Артур обнял ее, приподнял, чмокнул в щеку. Затем вру-

чил цветы, а чемодан отобрал.

В жизни он оказался еще выше. Не под метр девяносто, а за. Глаза оказались не зелеными, а светло-карими, янтарными. Ресницы на одном завивались, а на другом торчали. И казалось, что он подмигивает.

– Артурчик, это ты? – услышала Натка знакомый голос. – Какое совпадение!

– Тетя Вера? Здравствуйте.

– Привет. – Женщина подошла к молодым людям, улыбнулась им. Сейчас она не казалась полной, скорее упитанной. Высокий рост, широкая кость, а жира не так уж и много. – Значит, это ты уральскую красавицу Наталью встречаешь?

– Ага.

– Куда заселишь?

– К дяде Геворгу. В «Пятый сезон».

– Отлично, значит, рядышком со мной будет. – Тетя Вера похлопала Натку по плечу. – Моя гостиница в пятнадцати минутах ходьбы. Называется «Тисовая аллея». Заходи, чайку попьем. А может, чего покрепче.

– Обязательно. Спасибо вам. – И Натка не удержалась от вопроса: – Тисовая аллея, это из Гарри Поттера?

– Вообще-то эти растения высажены вдоль дороги, ведущей к дому. Не мной, бывшим владельцем земли. Ягодные тисы прекрасны. И так совпало, что мой сын обожал Гарри Поттера. Вот все и сложилось.

На том распрощались. Когда тетя Вера скрылась из виду,

Артур сказал:

– Мы с ее Славкой в одном классе учились. Дружили когда-то.

– Сейчас нет?

Он покачал головой.

– На расстоянии трудно. Мы еще до его отъезда перестали общаться. Не скажу, что поругались, скорее увлеклись разными вещами. В девятнадцать оба уехали из Сочи. Он на Урал, я в Ставрополь.

– Ты там учился?

– Нет, служил в армии. Отчислили меня со второго курса нашего госуниверситета, и батя решил, что мне нужно отдать долг родине.

– Не стал отмазывать от армии?

– Я сам мог откосить, но он запретил. Сказал, как отрезал: идешь служить. Это и родине на пользу, и тебе. И оказался прав. Насчет меня точно, – хмыкнул Артур. – Армия меня многому научила.

Болтая, они шли к парковке. Наташка расслабилась. Ей было спокойно рядом с Артуром. То волнение, что все еще присутствовало, было приятным. Девушка внутренне трепетала, а не терзалась из-за неуверенности.

Артур подвел ее к золотистой «Ауди». Натка плохо разбиралась в машинах бизнес-класса, но эта выглядела дорого. Мощная, современная, тюнингованная. Такая миллионов пять стоит. Или больше?

– Милости прошу, – проговорил Артур, открыв перед Наташкой дверку. Она забралась в салон. Букет положила на колени. – А ты в жизни еще красивее, – услышала она. – Хотя, казалось бы, куда уж?..

– Ты меня смущаешь.

– Это заметно, – улыбнулся Артур. – И так мило... Наблюдать за твоим смущением.

Он завел мотор. Машина заурчала, как большая довольная кошка, затем тронулась.

– Наши девушки совсем другие. В них столько пафоса, наигранности...

– Не во всех же?

– Конечно, нет. Но я директор ночного клуба, поэтому, наверное, не объективен. У меня официантки приходят нормальными девчонками. Уже через месяц-другой их не узнать. Губы, волосы, кошмарные ногти, татухи. А сколько понтов! Я вся такая, жду не трамвая, а москвича на «Бентли»...

– Почему именно москвича?

– Их много сейчас здесь живет и отдыхает. Накупили квартир до глобального подорожания. А генералы ФСБ и прочие силовики, которым нельзя выезжать за границу, к нам прилетают на выходные, оттягиваются в крутых СПА, тусуют. Наш «Лиловый слон», бывает, снимают целиком. Упиваются, увозят обслуживающих их девочек в номера. Некоторым везет, и их вскоре забирают в столицу. Те становятся

примером для остальных.

– О, поверь, это характерно не только для Сочи. В наших краях таких мечтательниц тоже много. Возможностей – да, поменьше. Но это никого не останавливает. Мечтать не вредно.

– Но ты не такая! Меня это подкупило в первую очередь. Ты естественная, открытая, простая... – Артур бросил на нее взволнованный взгляд. – Это тебя не обидело, надеюсь?

– Что именно?

– Я не называл тебя простушкой. Имел в виду, что...

Она коснулась его руки.

– Не волнуйся, я все поняла и не обиделась.

– С ума сойти, как мне с тобой повезло, – облегченно выдохнул он и рассмеялся.

– А твоя бывшая? Она какой была? Как я или?..

Наташа мало знала о ней. Артур говорил, что со школы встречался с девушкой. Жил с ней. Планировал будущее, но в итоге они расстались. Причину он озвучил так: «Я затынул с предложением. Она устала ждать его и нашла себе другого».

– Зачем вспоминать о бывших? – после короткой паузы проговорил Артур. – Моих, твоих. Будем наслаждаться настоящим, в котором мы наконец встретились.

Она согласно кивнула. Цветы ей мешали, и Натка решила положить их на заднее сиденье. Она обернулась, чтобы сделать это, и увидела в боковом окне пристроившуюся за

едущей параллельно «Ауди» машиной знакомую тачку. Черно-оранжевую, обклеенную логотипами. Таких было много в аэропорту. Они сдавались в аренду. Кажется, это называлось каршерингом. Натка не разбиралась особо. У нее и прав-то не было. Тачка не запомнилась бы ей, если б не водитель. На него она еще на парковке внимание обратила. Точнее, на нее. Это была девушка. И она не отрывала глаз от нее, Натки. Ей стало неудобно, когда она почувствовала ее взгляд на себе...

И вот опять!

– У тебя что-то упало? – поинтересовался Артур у замершей Натки.

– Нет, просто... – За мной следит какая-то ненормальная? Так ответить? И произвести впечатление чокнутой? Нет уж. – Хочу и сумочку убрать.

Пока она снимала сумку с плеча, Артур перестроился в другой ряд и дал газу. Тачка каршеринга затерялась в потоке отставших машин. Натка с облегчением выдохнула.

## Глава 2

Золотистая «Ауди» скрылась за поворотом. В лучах заходящего солнца она была похожа на пасхальное яйцо. Тачку будто не на заводе произвели, ее словно снесла гигантская курица, что сидела не в гнезде, а в чане с золотянкой. Аделаиде даже не верилось в то, что еще два года назад она находила эту машину красивой. И гордилась тем, что Артур называл тачку Адой...

В честь нее, своей любимой девушки.

В этом статусе Аделаида пребывала половину жизни. Своей и Артура. Они учились в одной школе, но не с первого класса – с восьмого. Ада переехала в Сочи с родителями и братьями, когда ей исполнилось тринадцать. До этого семья Берггольц жила в Петергофе. Многие ее поколения. Но климат категорически не подходил младшим братьям-близняшкам Ады. Они родились недоношенными, слабенькими и весь первый год своей жизни хворали. Зато, когда семья поехала на машине в Краснодарский край на отдых, мальчики за три недели так окрепли, что наконец пошли. Отец тут же принял решение перевезти семью в Сочи. Благо, тогда недвижимость там еще не стоила космических денег. Продав жилье в Петергофе, Берггольц смогли приобрести дом. Отец, отличный программист, быстро нашел работу. Мама сидела с детьми, своими и чужими, они организовали част-

ный детский сад, а Ада пошла в школу.

Как она и предполагала, встретили ее плохо. Посчитали задавакой. Только Артур отнесся по-доброму. Как потом выяснилось, влюбился в нее с первого взгляда, вот и стал защищать. Он был мальчиком популярным, даже авторитетным, и постепенно одноклассники изменили свое отношение к Аде. Она была Артуру за это благодарна, но и только. Как парень он ей не нравился. Тогда, в юности, он был полноватым. Его брови срастались на переносице, и только в двадцать он дал их проредить. Да, харизматичный, уверенный в себе, несмотря на недостатки внешности, прекрасный танцор, рассказчик, весельчак, что важно, не пустобрех. В общем, парень-молодец. Но не цеплял он Аделаиду. Ей нравился их физрук, мускулистый, светловолосый, не улыбочивый. В двадцать семь он получил серьезную травму, ушел из спорта и устроился в школу. С детьми был суров. Всех это бесило. Физрук требовал невозможного от своих учеников. А Ада млела, когда он отчитывал ее за невзятую высоту.

Влюбилась она в Артура только в одиннадцатом классе. Если точнее, на выпускном. Их выбрали королем и королевой бала. Они танцевали в центре зала. Она была в переливающимся платье в пол, элегантном, со шлейфом, он в голубом смокинге и рубашке с жабо. На голове его красовалась нелепая шляпа. Артур, как всегда, отчебучил и где-то раздобыл наряд одного из главных героев фильма «Тупой, еще тупее». В это время физрук, мужчина мечты Ады, пьяный в

хлам, зажимал в уголке завуча. Даже на выпускной он явился в спортивном костюме, только футболку сменил на белую, а еще нацепил ботинки вместо кроссовок. Разочарование в нем и помогло Аде взглянуть на Артура другими глазами. И, едва это произошло, она увидела его, влюбленного, и поняла, что не на того обращала внимание четыре года. С ней рядом находился такой замечательный парень, а она сохла по какому-то дураку с кубиками пресса.

В тот вечер они впервые поцеловались. А когда Артур провожал Аду домой, признался ей в своих чувствах. Она ответила, что он ей тоже нравится. На следующий день Ада получила букет роз и приглашение на романтический ужин. На закате ее повезли в горы. Там был накрыт шикарный стол с ледяным шампанским. Молодые люди снова целовались перед расставанием, но Артур черту не пересекал. Сексом они занялись спустя восемь месяцев. Тогда оба учились в институте и практически не расставались. Разве что на ночь, поскольку каждый из них жил с родителями.

Они думали съехаться. Семья Берггольц не бедствовала, а уж папа Артура был одним из богатейших людей города. У него имелось много недвижимости под сдачу, и в одну из квартир он заселил бы молодых. Но Артур разочаровал его. Как и Аделаида. Она не смогла сдержать своего парня, направить, вразумить. Он не учился, а лишь тусовался. И она вместе с ним. Поэтому Артур, завалив сессию, отправился в армию. Ада поклялась его ждать.

Слово она свое сдержала. Год хранила любимому верность, дважды ездила к нему в часть, была постоянно на связи. Разлука лично ей пошла на пользу. Аделаида утвердилась в том, что ее чувство крепкое, настоящее, и стала мечтать о браке с Артуром. Но он не сделал ей предложения ни через год, ни через два. Говорил, нам и так хорошо, живем вместе, у нас все общее, мы любим друг друга. Свадьбу сыграем, когда захотим завести детей.

– Я уже хочу, мне скоро двадцать три, – возражала она.

– Всего-то! – хохотал Артур, целуя ее в миниатюрный носик, что переделал известный пластический хирург, до этого был длинный, с горбинкой. – Мы сами еще как дети. Давай насладимся полной свободой. И через пару-тройку лет подумаем о потомстве.

– После двадцати пяти я уже стану старородящей.

– Что за пережитки советского прошлого? Ты родилась в конце двадцатого века, детка, а живешь в двадцать первом. Мир изменился!

Он убедил ее, и она согласилась еще подождать. Родители Ады были недовольны. Они считали, что пора создавать полноценную ячейку общества. Столько лет вместе, а их дочь все еще девушка Артура. Сожительница звучит еще хуже. Особенно сердилась мама. Она в двадцать один родила Аду. И только спустя одиннадцать лет смогла забеременеть пацанами. Еще детей хотела, да бог не дал. А если дочка только в тридцать стартанет? И не сразу получится добиться резуль-

тата? Нет, не дело это. Тем более молодежь сейчас чахлая, на кока-коле да фастфуде выросшая. А Артур вообще неизвестно что в себя кроме этого пихает. Уж очень веселый постоянно, да еще и ночным клубом владеет, а там не только алкоголь рекой, но и разные запрещенные препараты. Хотя бы в двадцать пять нужно жениться, решила мама. Муж ее поддержал. Он за своей будущей супругой ухаживал четыре месяца, понял, что она та самая, и сделал предложение. В полугодовой юбилей отношений они сыграли свадьбу.

– Пап, сейчас все иначе, – протестовала Ада, говоря не своими словами – Артура. – Времена изменились.

– И очень жаль, – сердился тот. Супруга его явно науськала. – Мужик должен нести ответственность за свою женщину.

– Артур и несет. Он все решает, зарабатывает.

– Вот на это безобразие? – Папа указал на сочные губы Ады. В каждую она закачала по миллилитру препарата. – Была неповторимой красавицей, а сейчас на куклу похожа.

– Ага, с твоим огромным носом?

– Нормальный был у тебя нос. Мне он от бабки-немки достался. А она, между прочим, была фон Траубе. Аристократкой то есть. В Кенигсберге жила, а когда город стал советским, осталась, потому что влюбилась в моего деда, солдата Красной армии. Дочка ее вышла замуж за латыша Берггольца, и они переехали в Петергоф.

Историю семьи Ада сто раз слышала, видела и фотогра-

фии из архива. Прабабушка ее была женщиной интересной, не красавицей, но с изюминкой. А с каким шиком одевалась! Ада и это от нее унаследовала. Она еще до всех вмешательств умела нравиться мужчинам и обыгрывать простую одежду так, что образ получался на загляденье. Но ей-то хотелось быть сногшибательной! А как иначе, если твой парень популярная в Сочи личность?

Аделаида дотянула до двадцатипятилетия в надежде на то, что на день рождения получит долгожданное кольцо и предложение руки и сердца. Точнее, она была в этом уверена, поскольку видела, как Артур носит с бархатной коробочкой, пряча ее от глаз любимой.

Но Ада ошиблась. В коробочке оказалось не кольцо, а ключи от золотистой «Ауди». Шикарный подарок, что и говорить... Но девушка ожидала другого!

Она еле досидела до конца вечера. Когда приехали домой, отказала Артуру в сексе, сославшись на усталость. Хотела подождать, отложить серьезный разговор до утра, ведь оно мудренее вечера, но не смогла. Среди ночи разбудила любимого и все ему высказала. Он обиделся. Так старался, тратился – и на покупку, и на эксклюзивную покраску, а Ада не оценила подарок. Ей, видите ли, побрякушка на палец нужна!

– Не она, как ты не понимаешь? – возражала Аделаида. – Кольцо всего лишь символ. Я ждала предложения. Мы вместе уже семь с половиной лет, ты, как уверяешь, любишь ме-

ня вообще двенадцать! Тебе не хватило этого времени на то, чтобы созреть до свадьбы?

– Я же сказал тебе, что не отказываюсь жениться. Но не хочу делать это сейчас, да еще под таким давлением.

– А чем тебя не устраивает сейчас? Не нагулялся?

– Я от тебя никогда не гулял, ты знаешь. – Как-то, когда Ада извела его ревностью, Артур привел в дом человека с полиграфом, чтобы детектор лжи доказал его безгрешность. – Но времена тяжелые, мой клуб не работал в период локдауна, я терпел убытки несколько месяцев и все же умудрился купить машину, чтобы порадовать тебя.

– Давай просто распишемся.

– Ты столько ждала свадьбы и готова на обычную регистрацию? Вот уж не поверю.

– Ладно, сыграем скромную. Позовем самых близких.

– Я вырос в Сочи, как и мой отец. У нас близких человек сто.

У Артура на все был ответ. Правильный, логичный. Аделаида подулась неделю, и все вроде бы вернулось на круги своя. Она гоняла на новой золотой «Ауди», пока не поняла, что машина ей хоть и нравится, но вызывает неприятные воспоминания. Предложила Артуру поменяться – у того была старенькая, но хорошо прокачанная «бэха». Естественно, необычно выкрашенная и с невероятными дисками. На ней она попала в первую в жизни аварию. На первый взгляд, не серьезную, но сотрясение, которое Ада получила, привело к

развитию опухоли. К счастью, доброкачественной. Девушку положили в больницу Петербурга, где дальний родственник отца был главврачом.

Оперировал Аду молодой, очень перспективный нейрохирург. И что-то между ними пробежало. Она доктору сразу понравилась, а он ей после того, как удачно удалил опухоль. Женщины всегда были равнодушны к спасителям, иначе не было бы сказок о заточенных в башнях принцессах, похищенных Кощеем Василисах и Аленушках, девушках Джеймса Бонда, которых он освободил. Аделаида прониклась к хирургу теплотой и благодарностью. Она лежала в отдельной палате, он навещал ее чаще, чем остальных пациенток. Можно сказать, все свободное время с ней проводил. Доктор не был женат, но очень хотел семью. Считал, что пора, ведь ему уже тридцать, а в просторной квартире нет тепла, уюта, в ней не раздается топот детских ножек. Аделаида начала влюбляться в него. Но держала себя в руках. Позволяла только короткие, но теплые прикосновения, объятия, но все в рамках приличия.

Когда до выписки оставались сутки, хирург-спаситель явился в палату с тортиком, фруктами, детским шампанским. Хотел отметить выздоровление и попрощаться. Засиделись, заболтались. Им было хорошо вместе. Поэтому, когда доктор Аду поцеловал в губы, она не отстранилась. Знала, между ними ничего не будет. Да, он всем хорош, просто не придерешься, и чувство есть. Но не такое сильное, как к

Артуру. Аделаида ответила на поцелуй, чтобы сохранить его в памяти как нечто приятное. Невинная шалость, от которой никому плохо не будет. Даже доктору, ведь он знал, что его любимая пациентка в длительных отношениях.

Они соприкасались губами всего ничего, секунд десять, пятнадцать. Даже языки в ход не пошли, когда Ада решила, что хватит. Она уперла свои руки в грудь доктора и открыла глаза (естественно, смежила веки, когда целовалась). И кого же Ада увидела? Артура, стоящего на пороге палаты с огромным букетом цветов в одной руке и бархатной коробочкой в другой. В ней на сей раз было кольцо. Артур решил сделать сюрприз и приехал пораньше. Не завтра, а сегодня. Пригнал на золотой «Ауди», похожей на пасхальное яйцо, которую называл в честь любимой Адой.

– Артур, я все объясню, – выпалила девушка, вскакивая с кровати. – Это не то, что ты подумал...

Голова иногда кружилась после операции, а в этот момент завертелась, как лопасти вертолетного винта. Как у очень пьяного человека. Она потеряла равновесие, доктор поймал ее, уложил. Но Ада тут же вскинулась. Что-то закричала. Ударила своего спасителя хирурга, пытающегося ее утихомирить. Артур этого уже не наблюдал. Он покинул палату, швырнув цветы и коробку на пол. Аделаиде вкололи успокоительное, и она уснула.

Ее продержали еще три дня. Забирал ее отец. Артур покинул Питер той же ночью. Доктор пытался с ним поговорить,

взять всю вину на себя, но тот не захотел слушать. И кольцо, подобранное им, не взял. Сказал, пусть это будет мой прощальный подарок Аде.

Остынет, успокаивала себя она. Надо дать ему время. Встретилась она с Артуром только через две недели. Приехала в клуб.

– Поговорим?

– О чем?

– О нас.

– Нас больше нет, – пожал плечами Артур. Внешне он был спокоен, но впалые щеки и печальные глаза говорили о том, что он страдает.

– Ты из-за пятисекундного поцелуя готов все перечеркнуть?

– Он длился дольше. И не факт, что был первым.

– А если я поклянусь и ты проверишь меня на полиграфе?

Артур помолчал. Она думала, он рассматривает этот вариант, но нет, пытается объяснить свои чувства.

– Ты не могла ездить на «Ауди», потому что она вызывала у тебя неприятные воспоминания, – наконец заговорил он. – А я всего лишь подарил тебе не то, что ты ожидала. Теперь представь, что вижу я, когда на тебя смотрю. Что происходит в моей голове? Какую картинку я представляю? Естественно, как ты сосеешься с доктором на больничной койке, страстно, бесстыдно...

– Неправда! Это был почти невинный поцелуй.

– Я наблюдал за вами. Поверь, это было смачно.

– Тебя мои подруги видели с телками. И ты с ними тоже страстно и бесстыдно сосался. А может, и не только...

– Это было после того, как ты позволила себе непростительную вольность. Я пил и мстил. И говорю тебе сейчас честно и откровенно, с телками я не только сосался. Все две недели я трахаюсь как одержимый. С кем, утром и не помню.

– Зачем ты это рассказал мне? – начала плакать Ада.

– Поджег мост и за тобой, мой уже обуглился и рухнул. – Он не стал успокаивать ее, но салфетку подал. После этого встал и хотел уйти, но приостановился. – Вещи твои я собрал. Заберешь сама или тебе отправить их? – Аделаида пожала плечами. Она не могла сейчас думать о шмотках и побрякушках. – Тебе привезет их мой дядя. «Ауди» тоже можешь забрать, если хочешь. Нет, оставляй себе «бэу». Мне все равно. Прощай.

И ушел, даже не оглянувшись на Аду. Рыдая, она выбежала из клуба. На парковке увидела свою подружку Дашку. Не лучшую, но довольно близкую. Аделаида направилась к ее машине, чтобы попросить подбросить домой, но услышала, как она говорит по телефону:

– Артурчик, привет, я приехала, жду тебя. Не можешь? Но мы же договаривались... – Она надула губы. Они напоминали два вареника. Да и все остальное было гипертрофировано: брови, скулы, грудь. Артур, когда Ада просила денег на тюнинг, всегда говорил: не перестарайся, а то станешь похо-

жа на монстра типа Дашки. – Вечером сам меня заберешь? Хорошо. А куда поедем? Нет, туда я не хочу, мы были уже в этом отеле. Ты же обещал свозить меня в горы...

Даша оказалась одной из тех, с кем Артур не только сосался, напиваясь и мстя ей? Монстр, по его словам. И близкая подруга, по ее. Аделаиде стало так противно, что она убежала. Увидела проезжающее мимо такси и махнула рукой. Пусть ее увезет отсюда чужой человек. И этих... Ада больше видеть не желает!

Артур отправил ее вещи с дядей. Ни об одной мелочи не забыл. Даже заколочки, расчески, маски, тапочки упаковал. Все свои подарки. И планшет, который Ада ему подарила на 23 февраля, но пользовалась им сама, потому что Артур признавал только ноутбуки, а если такового под рукой не оказывалось, всегда мог выйти в Сеть с телефона.

Спустя месяц Ада отправилась в Питер, чтобы показаться доктору. Тому самому... Спасителю или разрушителю ее судьбы? Тут с какой стороны посмотреть. Аделаида металась. Она то хотела попросить, чтоб ее осматривал другой врач, то рвалась к своему раньше срока. Теперь она свободная женщина, и они могут не только целоваться. Ее бросили из-за него или просто нашли причину, чтобы разорвать отношения, ставшие тягостными? А что с кольцом Артур приехал, так это еще ни о чем не говорит. Решил быть благородным. И родители наверняка надавили. И те и другие – его мама тоже ждала свадьбы, внуков.

Ада решила, будь что будет, и полетела в Питер, не приняв никаких предварительных шагов.

Попала она к своему доктору. Звали его Егором. И первое время они оба чувствовали себя неловко. Но после осмотра он пригласил ее выпить кофе в буфете больницы. Ада не отказала. Они поболтали уже более непринужденно. Хирург спросил, сколько его бывшая пациентка пробудет в Питере, она ответила: минимум три дня. Тогда Егор предложил ей поужинать. Не сегодня – завтра, когда отдежурит и отдохнет. И на следующий вечер они отправились сначала на прогулку, потом в ресторан. Егор выбрал шикарный, с панорамным видом на Неву. Они пили шампанское, ели морепродукты. Отвыкшая от алкоголя Ада с двух фужеров захмелела и, можно сказать, сама себя предложила Егору. Не полезла в ширинку, естественно, а выразила желание посмотреть его квартиру. Ту, в которой не хватает уюта и все еще не раздастся топот детских ножек.

Поехали к нему. Жил Егор далеко от центра, но в приятном районе. Квартира тоже оказалась неплохой, двухкомнатной, с балконом, с которого открывался вид на сквер. Ада могла представить себя живущей в ней. И уют она бы навела, она это умела.

Егор предложил еще выпить. Благодарные пациенты чего ему только не надарили. Ада согласилась на сухой мартини со льдом. Хозяин дома налил себе виски.

– Могу я тебя поцеловать? – спросил Егор после того, как

они сделали по паре глотков.

– Теперь ты спрашиваешь? – с нотками горечи усмехнулась Ада мысленно. Но ничего не сказала, только кивнула.

Их губы вновь соприкоснулись. Поцелуй был сначала робкий, даже немного детский. Но когда оба расслабились, он стал жадным, страстным, бесстыдным... Таким, каким описывал его Артур.

Ада приказала себе не вспоминать о нем и позволила Егору унести себя в спальню, раздеть, обласкать... Овладеть! И не единожды. Они занимались сексом до рассвета. И он был неплох. Просто непривычен для Ады. Егор стал вторым мужчиной в ее жизни.

Измощенная, она уснула. А когда пробудилась, Егора уже не было. Убежал на работу, оставив записку и сердечко из конфеток.

Мило? Безусловно. Но почему же не екает сердце?

– Я влюбилась в Артура не сразу, а спустя годы, – ответила самой себе Ада. – Чувство к Егору придет, уверена, ведь он такой замечательный. И он мне нравится. Просто у меня сейчас трудный период...

Через три дня Ада не уехала назад. Она осталась в Питере. Принялась наводить уют в квартире, готовить еду, что редко делала, когда жила с Артуром, он ел в клубе, у дяди в гостинице, а если хотел домашнего, ехал к армянской бабушке (еврейская давно облюбовала для себя Землю обетованную). Аделаида была довольна жизнью. Влюбленный Егор выра-

жал готовность повести ее в загс хоть завтра. Но тут она тор- мозила. Рано еще, так мало знакомы!

Им было интересно вместе. И секс Аду устраивал. Не та- кой страстный, как с Артуром, но более качественный. В этом деле ее настоящий был отличником, что ездит на олим- пиады, а бывший – троечником, что умудряется выплыть на своей харизме и паре-тройке освоенных приемов. Ада по- нимала, что нельзя сравнивать мужчин, но ничего не мог- ла с собой поделатъ. У педантичного Егора все в доме было аккуратно, но безлико. У Артура же вечный бардак, с кото- рым невозможно бороться, но куча картин художников, ко- торых он считал будущими гениями, забавных сувениров, плакатов, прикольных кружек. Вместо гостевого дивана – кровать-машина с подсветкой. Даже тапки были разными! У Егора кожаные, добротные. А у Артура целый набор лап, от Кинг-Конговых до кошачьих. Первый – вечный тусовщик и раздолбай, второй – перспективный нейрохирург, которого уже зовут работать за границу. Кто лучший муж? Естествен- но, Егор. Он серьезен, стабилен, предсказуем. Он швейцар- ские часы. А Артур что-то очень интересное, яркое, модное, но ненадежное. Чуть что – сломается.

Аде хватило пяти месяцев на то, чтобы понять: с Егором она прожить сможет. Стать его женой, детей родить, даже переехать за границу, тем более можно выбирать из несколь- ких стран, и среди них есть теплые... НО! Хочет она быть только с Артуром.

Промучилась еще какое-то время. Рефлексировала. Боялась. Было стыдно перед родителями. Не хотела обидеть Егора. И все же приняла решение расстаться.

– А я ждал этого, – сказал ей несостоявшийся муж с грустью. – Ты смотрела сквозь меня последние пару месяцев. Будто я прозрачный, а за моей спиной стоит он, твой Артур.

– Нет, ты не прав, – возразила Ада. – Я смотрела внутрь себя. Пыталась разобраться в чувствах.

– Но уходишь ты от меня к нему?

– Он меня не примет. Просто буду одна. Ты замечательный, и я не хочу мешать тебе строить счастливое будущее...

– Но надежду питаешь?

– Она, как говорят, последней умирает, – хмыкнула Ада.

Через два дня она улетела в Сочи. Встретил ее папа. Ни о чем не спросил, только тяжело вздохнул, когда Ада сказала: я насовсем. А мама не была столь деликатной. Костерила дочь на чем свет стоит. Дурой называла. И вопрошала, чего тебе не хватало?

– Не люблю я Егора.

– Вроде чувства были, – напомнила та.

– Да, но... Они не переросли во что-то большее. Но хуже другое: он стал раздражать меня по пустякам.

– Каким?

– Он губы облизывает, как ящерица. Выпускает острый язык на секунду и втягивает. Будто он рептилия. А еще шупает то место, где когда-то была родинка. Удалил десять лет

назад, а все проверяет, не выросла ли. И поет в душе одну и ту же песню «Мы дети галактики».

– Да, не любишь ты его. Потому что это такие мелочи. Вот взять твоего отца. Столько вещей, к которым можно придраться...

– Мам, а как Артур поживает? – перебила ее Ада.

– Не знаю, дочка. Не общаемся.

– Не женился? – Ответ «Да» разорвал бы ей сердце.

– Нет. Я бы знала. Но ты лучше у подруг уточни.

– Я ни с кем не общаюсь.

– Даже с Дашей?

– Особенно с ней.

– Но вы постоянно вместе проводили время после того, как твоя лучшая подруга Сашка в Ереван уехала. Как она, кстати?

– Прекрасно. Муж ее на руках носит. Есть сын. Хотят еще детей.

С Сашкой Ада дружила с первого курса института. Они сразу стали неразлейвода. Сашка приехала в Сочи из какого-то захолустья. От ее деревни до Орла нужно было ехать с пересадками. Она носила два платья летом, одни джинсы и куртку зимой. Была рыжей, конопатой, пышной, по мнению Ады и ее будущего мужа, невероятно привлекательной. Модель плюс сайз. Славянская внешность, простота, доброта, лучики золотистого света в карих глазах. Аделаида пригласила ее на кастинг. Там как раз выбирали нестандартных

девочек для съемок каталогов. Сашку выделили из многих. И она смогла заработать себе еще на двадцать новых платьев и соболиную шубу. А замуж вышла за однокурсника. Получив диплом, уехала с ним в Армению, хотя звали и в Италию, и в Америку.

Аделаида только сейчас поняла, какой правильный выбор Сашка сделала. А после разговора с мамой позвонила одной из приятельниц. Естественно, не Даше. А той, что слила Артура когда-то. Она была главной сплетницей. И фамилию носила соответствующую – Сорока. На хвосте приносила новости. Свежие, всегда достоверные, хоть и приукрашенные. Сорока очень обрадовалась, услышав голос подруги, с которой давно не общалась. Она и рада была бы, да Ада сменила номер и новый дала лишь единицам, а соцсети закрыла.

Они встретились в кофейне. Сорока придирчиво осмотрела Аду.

– Хорошо выглядишь, – с сожалением проговорила она. Ожидала увидеть кикимору, растрепанную, растолстевшую, в обносках? Не просто же так скрывалась от подруг. Вот это была бы новость!

– Спасибо, ты тоже. Как поживаешь?

Сорока застрекотала. Начала сбрасывать с хвоста новости. Говорила о себе мало, зато о других...

Ада слушала, не перебивая. Только вбрасывала междометия. Понимала, Сорока дойдет и до Артура. Не ошиблась.

– С Дашкой общаешься? – спросила до этого.

– Я? Нет, конечно.

– Что, узнала про ее шашни с Артуром? Я не хотела, чтоб от меня. Мы все же подруги.

– Я ни с кем не поддерживала отношений, как тебе и говорила, – не стала колотья Ада. – Решила исключить всех людей из прошлого, кроме родителей. А что, Даша мутила с Артуром?

– Ой, тут такое было! Он с ней переспал несколько раз, а она придумала себе сказку об их неземной любви. Замуж за него собралась. Говорила, на Аде не женился, потому что она дурой была. А я его быстро захомотаю. Когда он ей от ворот поворот дал, не сдалась. Придумала беременность. Даже бухать перестала. Это Дашка-то, которая с «Лонг-Айленда» только начинала вечер, а заканчивала чачей из пластиковой полторашки. Но Артур не повелся. Сказал, я всегда предохраняюсь, даже пьяный. Но если вдруг оказия случилась и ты забеременела от меня, рожай. Когда ребенок на свет появится, сделаем анализ ДНК. Покажет, что мой, возьму на себя ответственность.

– И что Даша?

– Ясное дело, напилась и устроила погром в клубе Артура. Ее два здоровых охранника еле вывели. Ее отец, узнав об этом, сослал Дашку в Кабардинку, к своей матери.

– Не худшее место для ссылки.

– Да, но по сравнению с Сочи... – И Сорока закатила глаза.

– А что Артур?

– Вздыхнул с облегчением, естественно! Но выводы сделал: перестал шляться с сомнительными бабенками, бухать, тусить. Всего себя отдает работе. И его «Лиловый слон» сейчас процветает. После Дашкиного погрома пришлось ремонт делать и один из залов теперь имеет отдельный вход, в нем устраивают стендап-вечеринки. Или квизы. Игры в мафию. Даже быстрые свидания.

– То есть он ни с кем не встречается?

– Официально нет, – вздохнула Сорока. Она была честной сплетницей, из головы ничего не выдумывала. – Но не может же молодой, горячий парень без женской ласки? Артур часто в Краснодар ездит. Якобы по делам. Наверняка у него там бабенка имеется, а то и не одна.

Наверняка. И все же это хорошо. Хуже было бы, имей он официальную подругу. А если их несколько и они тайные, скрываемые от друзей и семьи, значит, ничего серьезного. Можно побороться за Артура!

Аделаида начала действовать уже на следующий день – стала искать случайной встречи с бывшим. Не в клубе или у подъезда дома, а где-то в нейтральном месте. Она хорошо знала Артура и предполагала, где может столкнуться с ним: на любимой заправке, в кофейне, на аллее дендрария. Локации, посещаемые большим количеством людей. Среди них может оказаться и Ада. Она заедет залить бензин, купить капучино, погулять под сенью платанов. Но, как назло, куда бы

она ни приезжала, Артура не видела. Судьба разводила их, но Ада была упрямой и продолжала искать любимого вопреки ей. Начав отчаиваться, приехала к дому, где они вместе жили. Показываться на глаза Артуру не собиралась, только проследить, куда он направится. Но оказалось, он переехал. Куда, никто из соседей не знал. Боясь не сдержаться, нагрязнать в «Лиловый слон» и опозориться, Ада решила взять паузу. Она отвлекалась работой в мамином детском саду (теперь это было престижное дошкольное учреждение, в котором трудились высококлассные специалисты, включая психолога, логопеда, массажиста) и наведением марафета. Вроде и так была хороша, но губки сдулись, коже не хватало сияния, волосам насыщенности цвета, телу тонуса.

Она привела себя в идеальную форму, да еще и одежды прикупила. Слетала в Стамбул за модными обновками. Раньше в Милан гоняла, но времена изменились, и торговая столица Турции уже не вызывала у модниц неприятия. Лучше там одеваться, чем в России: выбор больше, цены меньше.

Именно в аэропорту Ада и увидела Артура. Хотела пойти навстречу, но заметила в его руке огромный букет. Шикарный, другие он не дарил. Приехал кого-то встречать. Ясно, что женщину. И молодую: цветочная композиция была очень креативной, несколько экстравагантной, такую их мамы, а тем более бабушки не оценят. Им подавай классические розы, хризантемы, лилии.

Неужели к Артуру прилетела пассия из Краснодара?

Ада, спрятавшись за колонну, глянула на табло прилетов. Нет, самолет оттуда прибыл утром. Больше рейсов нет. В ближайшее время ожидается две посадки бортов из Оренбурга и Ташкента. Кого же он встречает, русскую или узбечку? Ада, понимая, что у нее есть время, быстро оформила каршеринг и, сев в машину, припарковалась недалеко от тачки Артура. Ее, золотую, было издали видно.

Судя по времени, самолет уже сел. Но к «Ауди» пока никто не подошел. Получается, узбечку встречает Артур? И она сейчас паспортный контроль проходит?

Стоило подумать об этом, как Ада увидела парочку. Ту, которую она поджидала. Артур вез чемодан, а девушка несла букет.

Не таджичка – русская. Довольно симпатичная, но без изюминки. И без лоска. Джинсики, курточка и кроссовки из позапрошлого года. Телосложение и рост средние. Волосы цвета соломы. Ада на месте барышни осветлила бы их. И сделала брови погуще. А Артуру, судя по лицу, все в той нравится. Его глаза сверкали, рот был растянут до ушей...

Неужели влюбился?

Сердце кольнуло. Ревность? Она самая! Ада вспомнила, что когда-то Артур смотрел на нее такими же глазами. И улыбался по-особенному.

Молодые люди забрались в салон. Машина, похожая на золотое яйцо, снесенное гигантской курицей, тронулась. Ада

проводила ее взглядом. Но когда «Ауди» скрылась за поворотом, дала по газам. Нужно узнать, куда Артур повез гостью с Урала.

## Глава 3

Ногу крутило так, что хотелось взять бензопилу, которой он вырезал из сосны заготовку под фигуру зайца, и оттяпать ее. Так бы и сделал, если бы не знал о фантомных болях. Конечности не будет, а она, боль, останется. Значит, нужно терпеть. Нога хоть и плохо разгибалась, часто дрожала, была изуродована шрамами, а все же помогала хотя бы крепко стоять.

– Абдула, выключи свою тарахтелку, не слышно ни фиги, – раздался сердитый крик из окна дома.

– А чего тебе слушать? – проворчал он себе под нос. – Новости? Все равно в них правды не скажут.

И все же пилу выключил.

Звали его Иваном. Абдула – одна из нескольких кличек. Если сказать точнее, прижившаяся. Сначала Моджахедом прозвали, но от этого Ваня всех быстро отучил. Стоило ему услышать это прозвище, как он лез в драку. Переименовали в Афганца. Кличка сама не прижилась. Хромой – тоже, слишком безлика. И стал Ваня Абдулой. Внешне он походил на главного злодея из фильма «Белое солнце пустыни». Смуглый, бородатый, статный. В чалме. Он в молодости был красив. Но годы не пощадили Ивана. А больше болячки. Он подорвался на разрывной мине, когда служил в Афгане, и его тело пронзило несколько осколков. Пострадала не только

нога, еще брюшина. И сильно контузило. До сих пор у него оставались провалы в памяти, случались панические атаки. А с того взрыва прошло чуть ли не сорок лет!

Родом Абдула был из Средней Азии. Его призвали в ряды Советской армии, он служил в дивном городке под Рязанью. Полюбил его всей душой, как и русскую природу. В их пыльном степном краю все было уныло: серая земля, деревья, вода в арыке. Попав в среднюю полосу России, не мог налюбоваться на зелень травы, синеву воды, белизну снега. А как прекрасны оказались березки! Они росли и на территории части, и за ее пределами. И в них водились соловьи. Чтобы послушать их трели, Абдула готов был вскакивать по утрам на построение. Еще он открыл для себя тихую охоту. По осени под березками грибы вырастали. Тоже разноцветные: коричневые, желтые, красные. Моховики, лисички, подосиновики. Но особенно ему нравились сопливые маслята, к шляпкам которых липли и листья, и иголки редких елей, и букашки.

Когда ребят из их части начали отправлять в Афган, Абдула не испугался. Да, расставаться с полюбившимся краем не хотелось, но он был уверен, что вернется. Их убеждали в том, что в военных действиях первогодки участвовать не будут. Зато сулили быстрое повышение по званию, тройную зарплату. Абдула был влюблен в одну местную девушку, Машеньку. Когда его отпускали в увольнительную, молодые люди гуляли по парку, в кино ходили, мороженое ели в кафе.

Все было невинно, они даже не целовались, но Абдула чувствовал, что Машенька тоже к нему равнодушна. А что? Он красивый, статный, непьющий. Не наглый, добрый, а какой хозяйственный! То грибов ей принесет, то ягод, то солонку, вырезанную из дерева.

Абдула планировал посвататься к Маше. Верил, они будут прекрасной парой. Она скромная, красивая и тоже сирота. Только Абдула воспитывался родственниками, а она в детском доме провела половину жизни. Новую начнут вместе. Он с его-то золотыми руками дом построит! Да не в городке, в деревне. Хозяйство заведут, будут ходить вместе по ягоды, грибы. Он станет плотником, Маша будет в школе преподавать, учиться в педагогическом. Они нарожают кучу красивых детишек. Метисы обычно невероятно хороши. Как и Абдула с Машей. Они дивно смотрелись вместе, она маленькая, беленькая, розовощекая, он крупный, смуглый, с рублеными чертами лица и черными как ночь глазами.

Машенька провожала Абдулу. Обещала писать и ждать. И ему пришло от нее несколько писем, которые парень зачитал до дыр, но связь оборвалась, потому что его перебросили туда, куда не доставляли почту. А те письма, что привезли по прошествии времени в больницу вместе с остальными вещами, он сжег. Не хотел вскрывать конверты, потому что знал, им с Машей не быть.

Абдула понимал язык дари, на котором разговаривали талибы (на нем и пушту, реже на арабском). В его краях он то-

же ходил. Был похож на местного жителя. Исповедовал ислам, то есть читал Коран, знал молитвы. Кроме всего, отличник боевой подготовки, башковитый парень в прекрасной физической форме. Абдулу перевели в разведку. После месяца учебки он, уже с бородой, в местных одеждах, с мешком за плечами отправился бродить по окрестностям. Много полезной информации добыл, пока в плен не попал. Но смог оттуда сбежать. Увы, до части своей не добрался. Подорвался на mine. Его нашли солдаты Советской армии, хотели добить, но услышали русскую речь. Абдула в бреду разговаривал с Машенькой. Тогда его доставили в госпиталь, начали лечить.

Придя в себя, солдатик не помнил ни имени своего, ни откуда родом. О Машеньке тоже забыл. Но это и хорошо. От ноги до брюшины все пострадало, включая половые органы. Остался парень недееспособным. И если ходить он научился, пусть и с костылями, то о восстановлении детородных функций можно было не мечтать. А память, как говорил доктор, вернется, пусть и частично. Оказался прав. Когда Абдуле привезли в госпиталь его вещи, он начал рассматривать их и напрягать мозг. Ему велели не торопиться, но что еще делать лежачему евноху, если не воскрешать приятные воспоминания?

Первое, что нарисовалось перед мысленным взором, так это березняк. Влажный, осенний. Грибы во мху. Потом соловьиные трели. Их воинская часть под Рязанью. Всплыла

и Машенька, маленькая, беленькая. Неотправленное письмо ей было в вещах Абдулы...

Впрочем, его звали иначе: Бахтияр. Что означало – Счастливый. Среди моджахедов было несколько его тезок. Поэтому раненый солдатик не хотел оставлять свое имя. Он попросил называть себя Иваном. Именно так обращались к нему духи, к которым он попал в плен, избивая, плюя ему в лицо.

И стал он Иваном и по документам, но уже по возвращении в СССР. Пошел и сменил паспорт. А воспоминания о Машеньке и своих планах на будущее с ней похоронил. Или сжег вместе с ее письмами? Зачем ей, красавице, инвалид?

Иван и домой, в Среднюю Азию, не вернулся. Не хотел быть обузой родственникам. Как и видеть пустынно-унылый пейзаж. Боялся, что погрязнет в жалости к себе и пустит плюю в лоб. Остался в средней полосе России. Его сослуживец жил под Калугой, позвал к себе. Обещал крышу над головой, трудоустройство. Иван приехал к нему. Поселился в бане, устроился плотником в колхоз. Через пару месяцев получил свою комнатку в общежитии. Скромно жил, по совести работал. И все было нормально до тех пор, пока Советский Союз не развалился. А вместе с ним колхоз, армия. Перестали платить зарплаты, пенсии задерживали, льготы отменили. Плотник Иван перебивался случайными заработками, да как отбирать последнее у бедных? Не могли заплатить, брал едой, дровами, вещами. Спасало то, что семьи нет. А у сослуживца имелась. Поэтому, когда начались военные дей-

ствия на Кавказе, он в контрактники подался.

Иван же не мог. Да и не хотел. Осознал, что нет в войне победителей. Как правых и виноватых. В бой идут солдаты и офицеры по приказу, гибнут, калечатся, а те, кто их отправил сражаться, – пухнут от важности и денег. Он помнил всех, кого убил. Да, врагов. Но у них были матери, жены, у кого-то дети. И так горько становилось Ивану, что раны его болели сильнее обычного. Поэтому запил. До этого не употреблял алкоголь вообще. Но попробовал, оказалось, он притупляет боль. Любую! И стал Иван брать за свою работу пузырями.

Его друг, отслужив, начал пить вместе с ним. Вроде целехоньким вернулся, а психика пошатнулась. Ни с того ни с сего впадал в буйство. После этого жена от него ушла, естественно, забрав сына, мать перестала пускать на порог. Иван вразумлял товарища. К бабкам его возил. И вроде одна мозги вправила. Перестал друг пить, дебоширить, решил помириться со всеми. Мать простила, конечно. А жена нет. Не желала воссоединиться. Тогда друг еще один контракт подписал и снова вернулся на войну, чтобы больше заработать и все деньги к ногам супруги бросить. А то в прошлый раз всего лишь японскую видеодвойку купил, которую в буйстве расколотил, сыну «Денди», а жене шубу из собаки. Пьяным брал, сказали – лиса. Но когда та намокала, воняла псиной.

На второй войне он погиб. Останки привез офицер, которого Иван знал еще солдатом. Одновременно в Афган попали, а вернулись с интервалом в полтора года. Оба с ранения-

ми, но Хомяк с легкими и вскоре. У него была фамилия Хомяков. Звали Ильей. Как былинного богатыря Муромца. Паренек хотел стать генералом. Поступал в военное училище, но не прошел. Он был хил и не особо умен. Но в армию его все же призвали. На срочную службу. И Хомяк сам попросился в Афган. Там чуть ли не в первый день попал под град пуль. Все прошли навывлет. На родину Хомяк вернулся уже в статусе боевого солдата, раненного в сражении. Его повысили в звании сразу до старшего сержанта. А по окончании срочной службы дали направление в военное училище. Хомяк закончил его. Поступил в академию. Но когда начались военные конфликты на Кавказе, снова ринулся в бой. И там он, бедолага, получил ранение, опять сквозное, но был переведен в штаб.

Хомяк проникся судьбой Ивана и стал ему помогать. Выбил приличную пенсию, а не грошовую, медаль за заслуги перед Отечеством, санаторное лечение. Главное же – квартиру в Калуге. В городе и работу найти легче, и медицинскую помощь получить. Еще мечеть в нем имелась. Татарская диаспора построила. Начал Иван туда похаживать. Просил у всевышнего (единого для всех) сил. Тот помог. Иван пить бросил, терзаться, работу по душе нашел и даже женщину. Ей не нужны были плотские утехы, только помощь и поддержка. Изнасиловали ее, бедняжку, в молодости. Да не просто, а извращенно – затолкали в нее бутылку из-под шампанского, потом разбили. Таким образом передали послание

отцу, не пожелавшему платить крыше. Он как раз винно-водочные точки держал.

Несколько лет длились платонические отношения двух инвалидов. Так бы и продолжались, но женщина решила уйти в монастырь. Иван и в этом ее поддержал. А вскоре переехал в Сочи. К Хомяку. Тот, избежав смерти и тяжелых ранений на войне, умудрился покалечиться в мирной жизни. Катался на лыжах на Красной Поляне, неудачно упал, повредил позвоночник. Врачи были уверены, пациент пойдет. Травма не самая серьезная. Но тот так и не встал на ноги. Жена ушла, потому что никогда не любила, жила из выгоды, а если точнее, осталась в квартире, купленной на «чеченские» деньги, а Хомяка к матери отправила. Та ухаживала за сыном, пока силы были. Потом и она слегла. Иван, что вел с другом переписку, узнав об этом, выехал в Сочи. Стал Хомяковым помогать. Когда старушка преставилась, продал квартиру в Калуге и переехал в Краснодарский край насовсем. Купил развалюшку на окраине, отремонтировал, канализацию провел. Хомяка навещал почти каждый день, но не жил с ним, поскольку соцработники ветерану войн помогали. И все бы ничего, но неугомонный и неудачливый подполковник в отставке полез чинить электричество. Проводка в доме ни к черту, то лампы мигали, то телевизор вырубался. И Хомяк вместо того, чтобы специалиста пригласить, решил сам разобраться. Его шарахнуло током так, что на один глаз мужчина ослеп, а у второго осталось тридцать процентов зрения.

Тогда-то Иван и понял, что должен быть с Хомяком постоянно. Он хотел бы перевезти его в свой уже прекрасный дом (и не на окраине – город разросся), но тот заупрямился. Не соглашался уезжать из отчего. В нем он вырос. И местоположение обожал, рядом дендрарий. Пусть Хомяк уже не видел его красоты, но помнил каждую аллею и мог воссоздать картинку в воображении, а еще обонять, осязать, слушать журчание водопадов, пение птичек, треск цикад. Прогулка по дендрарию была обязательной. Хомяка ни дождь не останавливал, ни морозец, только град или ураган. Даже без сопровождения мог на нее отправляться.

Илья Хомяков занимал половину дома. Во второй жили две пожилые сестры, старые девы. Они с удовольствием согласились на обмен. После того как сосед вырубил свет во всем строении, они стали опасаться за свою жизнь. Не знали, чего от него ждать. Вдруг газ не перекроет, а потом возле плиты закурит? Сигарету рядом с баллоном бросит? Сослепу! Или просто с ней уснет...

В общем, Ивану даже уговаривать женщин не пришлось. Сделка состоялась, и он переехал.

Дом нуждался в ремонте. Обе его половины были в плачевном состоянии. Приобретенная Иваном разве что чистой оказалась. Несколько лет он приводил строение в порядок. Основную работу сам делал, но здоровье не позволяло на полную катушку вкалывать. Пришлось помощников нанимать. Ладно, Хомяк мог договариваться с людьми. Именно

он находил работяг, которые по-божески брали. Иначе не хватило бы их двух пенсий ни на что.

Приведя дом в порядок, Иван наконец занялся тем, что любил: плотничеством, но не бытовым, а творческим. Резал из дерева садовую мебель, фигурки разные, мог изготовить наличники в старорусском стиле, крышу на беседку в восточном, быка для аттракциона в ковбойском. Сейчас Абдула ваял зайчика-попрыгайчика для детского сада. Брал по минимуму, потому что это для деток. Хомяк был этим недоволен. Говорил, что так он сделает лучше не им, а мелкому чиновнику или заведующему садиком, который положит в карман больше обычного.

– Это будет на их совести, – отвечал ему Иван.

– Нет ее у них, понимаешь?

– А у меня есть...

– Дураки мы с тобой, Абдула. Что ты, что я. Мог бы столько денег наворовать, когда в штабе служил. А мне совесть не позволяла. И что в итоге?

– Спишь спокойно.

– Если бы! Помню каждого солдата, которого доставил в цинковом гробу на родину. Они являются ко мне, поэтому кричу... – Это было правдой. Хомяк просыпался от кошмаров, Абдула вслед за ним, и они перестукивались через стену, успокаивая друг друга. Оба знали азбуку Морзе.

Этой ночью Хомяк спал особенно тревожно. И весь день капризничал. А вообще они дружно жили.

– Абдула! – снова послышался крик товарища.

– Что?

– Я поставил говядину разогреваться, салат нарезал. По-едем?

– С удовольствием. Только сполоснусь.

С весны по осень они мылись в летнем душе. Это было удобно. Бочка, нагреваемая от солнца, вода, уходящая в огород, шторка, а не стены, между которыми нужно втискивать кресло. А шланг отсоедини – вот тебе и кран для омошений перед молитвой. Абдула совершал намаз, как и положено, пять раз в день.

Приняв прохладный душ, Иван, покряхтывая, поковылял к дому. Нога болела уже нестерпимо, придется делать укол. Боясь впасть в зависимость от обезболивающих, он тянул с инъекциями до последнего. Бывало, принимал обычные таблетки. Но они больше как плацебо действовали.

Вколыв ампулу диклофенака, Иван-Абдула полежал на кушетке пару минут. Боль сразу не ушла, но притупилась. Когда это произошло, он услышал голос. Хомяк с кем-то разговаривал, находясь у себя в кухне. Абдула сразу поднялся на ноги. Взял костыль, которым все чаще стал пользоваться, и направился к выходу из собственной половины дома.

Когда он зашел на территорию друга, то увидел молодого мужчину с густыми белокурыми волосами. Челка закрывала брови, ресницы тоже были светлыми. Но глаза не выглядели порсячьими. Серо-зеленые, очень выразительные и умные.

Ими он посмотрел на Ивана, затем улыбнулся.

– Здравствуйте, а я по вашу душу, товарищи афганцы, меня зовут Дмитрий Правдин, я журналист, – сказал он и протянул руку, чтобы обменяться рукопожатиями.

## Глава 4

Город Димона не восхитил. Да, Сочи стал краше, что неудивительно, столько денег в него вбухали, когда готовили к Олимпиаде, но особого лоска не появилось, а от бывшего уюта почти не осталось следов. В детстве он ездил сюда с родителями. Они отдыхали только в частном секторе, порой в плохо приспособленных для комфортной жизни временках, но в этом была своя прелесть. Димке нравилось бегать по саду в уборную, подбирая с тропинки опавшую алычу и абрикосы. Нравилось греть чай в банке, сунув в нее кипятильник. Нравилось даже то, что продукты, хранимые под тазом на веранде, воровали то ли кошки, то ли крысы. Они просыпались ночью от грохота, выбегали и хохотали, видя зверьков, что несутся с добычей прочь. Больше они, конечно, маленького Димона веселили, маме наверняка было жаль продуктов. Но где их еще хранить, если холодильник один на всех отдыхающих и места в нем хватает только для скоропортящегося?

Когда мальчику исполнилось восемь, они семьей переехали в Португалию. Отец-архитектор был нанят крупной фирмой, строящей мосты. Жили они в Лиссабоне. И жили хорошо. Глава семьи достойно зарабатывал. Фирма снимала им дом. Мама занималась хозяйством и три раза в неделю преподавала в посольской школе изобразительное искусство (с отцом они познакомились в универе). Димон учился. Он

быстро освоил португальский. А еще английский и африканс. В столице Португалии было много эмигрантов с Черного континента. Местные держались от них подальше, а любопытный русский мальчишка вечно крутился рядом. Он подружился со своими ровесниками. Они вместе гоняли в футбол. Димон знал, что отцы некоторых парней торгуют наркотиками или продают контрабандные товары, и догадывался, что тем же займутся их сыновья. Но его это не пугало. Более того, привлекало. Дружить с прилизанными посольскими детками он не хотел. Был у него лишь один белый приятель, но и тот из неблагополучной португальской семьи. Его мама уборщицей работала, в том числе у них, а батя отбывал срок за разбой.

– Нашего сына тянет к отбросам общества, – сокрушался отец Димона. – У моих коллег из фирмы есть дети, почему наш мальчик не дружит с кем-то из них? Я столько раз его знакомил с ними на семейных праздниках...

– Чем тебе не нравится Хосе? – так звали сына уборщицы.

– Он еще более или менее. Только курит в девять лет, а так парень вроде нормальный. Но эта его черно...

– Бровая? – заканчивала за него слово мама, ее коробил расизм супруга. Пусть не воинствующий – бытовой.

– Да, брови у этой компании тоже черные. Но я не пойму, почему Димка с ней якшается?

– Играет в футбол, учит новый язык...

– И попадает под дурное влияние.

– Ты не доверяешь собственному сыну?

– Он ребенок. Его можно научить чему угодно сейчас, в том числе плохому.

– Нет, наш сын правильно воспитан. Он умен. Добр. Рассудителен. И он открыт. Димка – дитя будущего. Он истинный космополит. Свободный от местечковых влияний, предрассудков, амбиций человек.

– Не много ли ты возложила надежд на десятилетнего?

– Он личность!

Подслушавший этот разговор Димон не все понял, но сделал главный вывод – мама на его стороне.

Кто бы мог подумать, что именно она забудет о том, что он космополит, личность, человек будущего, когда сын приведет в дом свою любимую девушку Латифу. Черную как ночь. Сестру лучшего друга Манди, мелкого дилера, и дочь депортированного в Африку преступника.

– Она тебе не пара! – заявила мама и вытолкала Латифу за дверь.

Димон последовал за подругой. В пятнадцать он сбежал из дома. Невеста была старше его всего на пару лет, но значительно опытнее. Она показала ему, что такое настоящая страсть. Димка попал к ней в рабство. Сексуальное! Но смог из него вырваться. И помог ему в этом Манди.

– Брат, беги от нее, – сказал он ему.

– Нет. Мы любим друг друга.

– Она тебя нет. Я не знал этого. Иначе сказал бы раньше.

– Ты ошибаешься.

– Она не забыла своего бывшего. Он был в банде с отцом. Сейчас сидит. А ты просто игрушка для Латифы. очередной белый лох, с которого можно что-то поиметь.

– Что ты несешь?

– Я нашел у нее куклу, похожую на тебя. Латифа совершает обряды, чтобы привязать тебя к себе. Не успеешь оглянуться, как обнесешь собственный дом, а потом станешь своей белой мордашкой отвлекать туристов, чтоб такие, как я, тырили у них кошельки.

– Не верю.

Манди достал из бокового кармана своих широченных джинсов куклу. Она на самом деле была похожа на Димона: белые кудри, серые глаза, пятно на скуле – он родился с таким, в форме клубнички. С фигуркой явно производили какие-то манипуляции. Она была прожжена в некоторых местах и запачкана чем-то. Не кровью ли? Менструальной? Для приворота, как он слышал, это самое сильное средство.

– И что мне с этим делать?

– Сходи к Большому Папе. Он скажет.

Димка знал, о ком речь. Седой татуированный старик с белыми глазами был уважаем всей африканской диаспорой. Он не выходил за пределы своего двора, но всегда был сыт и пьян. Все, чего бы не желал, ему приносили. Большой Папа любил качаться в гамаке, устремив незрячие глаза в небо. А еще вкусно есть, пить порто и курить крепкий табак. Нарко-

тики он тоже употреблял, но редко и только растительного происхождения. Когда был моложе, обожал секс. По слухам, мог удовлетворить до пяти женщин в день. Но Димон застал его уже в период угасания, когда Большому Папе достаточно было раза в неделю.

Слепой старик встретил белого мальчика приветливо. Сказал, что слышал о нем. Ощупал куклу. Покачал головой.

– Что, ничего нельзя сделать? – испугался Димон.

– Я сокрушаюсь из-за того, что тобой хотели воспользоваться. Ты чистый, светлый. Нельзя так поступать с подобными.

– А с другими можно?

– Они ничего не меняют во вселенной. Это серая масса. – Старик начал поджигать свечи, стоящие на алтаре, где и черепа мертвых животных, и копченые ящерицы, и сушеные растения. – А ты – лучик света. И если погрязнешь во мраке, нарушишь баланс.

– В Вуду есть такие понятия?

– Откуда я знаю? Меня баптисты воспитывали. Но сила во мне есть. И я воспользуюсь ею, чтобы тебя освободить...

Большой Папа начал колдовать. Димон смотрел на него и не мог отделаться от ощущения, что стал участником спектакля. Не верил он в эти магические штучки. Но, что удивительно, после обряда его будто отпустило. Захотелось к родителям, а не под бочок Латифы.

Блудный сын вернулся домой. На радость маме с папой.

И все же они его от греха отправили подальше. Сначала на Мадейру, в подготовительную школу. Потом в Мадрид. Там Димон отучился год в колледже. По отличной специальности, связанной с архитектурой и дизайном. Но понял, что это не его. Переехал в Барселону. Поступил на языковедческий. При его знаниях это было несложно. Димон даже получил стипендию. Это позволило родителям смириться с тем, что ребенок не желает их слушать, а идет своим путем. Он блестяще учился, работал переводчиком, особенно востребованы были его знания африкаанс. Но многие из чернокожих мигрантов говорили на французском, и Димка освоил и его. Потом арабский. Получив диплом, парень решил продолжить образование. Захотел стать журналистом. И, как ему казалось, этой профессии его могли научить только в России. Он вернулся на историческую родину, поступил в МГУ.

По окончании университета начал работать журналистом-международником. Знающего несколько языков Дмитрия Правдина рвали на части телекомпания, и он выбрал крупнейшую. Ездил в командировки, освещал важные события, брал интервью, снимал сюжеты для новостей и политических ток-шоу. Через два года в своей работе разочаровался. Приходилось на многое закрывать глаза, а зачастую искажать правду. Димон понял, что пора становиться независимым журналистом. Как раз кончился его контракт с телевизионным гигантом, и он не стал его продлевать, хотя ему

сулили большую прибавку, а перешел на другой канал, либеральный. Но и там не прижился. Опять его работу контролировали. Передачи, видите ли, получались недостаточно злободневными, требовали подбавить жарку.

И плюнул Димон на всех начальников, решил работать на себя. Снимать то, что нравится. Соответствовать фамилии, рассказывать правду, но о том, что волнует именно его. Быть честным с самим собой, это самое важное. Дима завел свой ютуб-канал, вбухав все сбережения в оборудование, зарплату команде, рекламу. Первое время тяжело было. Думал Димон даже к отцу за финподдержкой обратиться, но выстрелил один документальный фильм о домашнем насилии со стороны женщин. До Правдина все говорили только о мужьях, колотящих и унижающих своих вторых половинок. Но Димон нашел мужиков, подвергающихся этому. Некоторых уговорил показать лица, другим их замазали. Были в фильме и отцы, над которыми издевались дочери. Сыновья, запуганные матерями. На Правдина ополчились феминистки, начали писать жалобы на него. А одна ненормальная баба в прокуратуру подала заявление. Все это только на пользу каналу пошло. Умножилось число подписчиков, просмотры перевалили за миллион.

Димон Правдин добился успеха как журналист. Пандемия еще свое дело сделала: на изоляции люди залипали в интернете или телеке. Тупо пялились в экран, хотя до этого думали, что посвятят свободное время саморазвитию. Как мини-

мум станут больше читать, а то и выучат иностранные языки, займутся йогой, освоят вязание, нотную грамоту, программирование. Но обстановка ко всему этому не располагала. Всем хотелось отвлечься и развлечься.

Правдин делал контент. Реализовывался и отлично зарабатывал. Но! Не имел личной жизни. Секс на пару-тройку раз (а чаще на один) не в счет. Последние его серьезные отношения закончились несколько лет назад. Тогда он еще на государственный канал работал. Точнее, дорабатывал. Полтора года они продлились. Пока Димон по командировкам разъезжал, его ждали, встречали душевно. А когда он начал от них отлынивать, оказалось, что они с любимой не очень хорошо ладят. В бытовых вопросах не сходятся, предпочитают разный досуг, да и в сексе не подходят друг другу. Когда он редкий, то яркий. В разлуке оба накапливали энергию, и получался взрыв. Но стоило молодым людям оказаться в обычных отношениях, когда люди вместе проводят каждый день, спят, принимают пищу, ходят в гости, за покупками, как все изменилось. Будни Димы и его женщины оказались поистине суровыми. Он, привыкший жить в отелях, ждал, что бардак, который он развел, будет кем-то устранен. Она ждала, что ее будут развлекать не пару раз в месяц – чаще. А ему чаще не хотелось. Как ей заниматься сексом. Она говорила: лучше давай сходим вместе в спортзал. На прогулку, пробежку, посетим скалодром, картинг, аквапарк. А Димону, как большинству мужчин, приятнее было бы после тяже-

лой трудовой недели отоспаться, отлежаться, позаниматься сексом, поесть домашнего, посмотреть футбол.

– Я думала, ты особенный, – выдала девушка Димы перед расставанием. – А ты, оказывается, обычный, среднестатистический русский мужик.

Он спорить не стал. Собрал вещи и ушел (жили у нее). По бывшей недолго скучал. А спустя три месяца и думать перестал о ней. Вспоминал приятные моменты, связанные с ней, и только. Она же вздумала помириться. Должно быть, поняла, что обычный мужик – это не так уж плохо. Образованный, зарабатывающий, честный, непьющий... Но Димон назад не захотел. Впервые он вкусил свободы. До этого жил то с родителями, то с соседями по общежитиям, то с девушкой, а тут один. Можно валяться, носки разбрасывать, есть из кастрюли, ночевать на работе, вкалывать ночь напролет или играть в приставку, приводить друзей или девушку из тиндера... Заводить домашних питомцев! Димону всегда хотелось иметь кота. Но его дама сердца была категорически против. Говорила: ты вечно в разъездах, приедешь, приласкаешь, за ушком почешешь, а вся забота на мне. Правдин долго выбирал котейку на сайтах. Метался между сибирским и мейкуном, потому что хотел пушистого. А завел «дворянина». Подобрал на улице тощего блохастика с огромными ушами и большими глазами. Назвал Хорхе в честь одного из друзей детства. Тот тоже был тощ, черняв и лопоух. Отъевшись, подлечившись, питомец расцвел. Стал красавцем с

лоснящейся шерстью. Хозяина Хорхе обожал, хотя чувства свои редко демонстрировал. А вот гостей в своем доме еле терпел. Особенно случайных бабенок. Они мешали крепкой мужской дружбе Димона и Хорхе, за это получали. Кот то прудил в их обувь, то драл ее, мог на сброшенный лифчик отпрыгнуть. Но Ладу, директора Правдина, признал. Именно с ней тот оставлял животину, когда уезжал в командировки.

Сейчас Димон находился в Сочи. Отправился на разведку. В данное время он работал над фильмом о войне в Афганистане. Точнее, о предателях. О тех, кто перешел на сторону врага в Великую Отечественную, было сто раз говорено. Но при любом военном конфликте находятся те, кто выбирает сторону врага. По разным причинам. Димон решил разобраться в этом вопросе. Он начал встречаться с ветеранами-афганцами. Те рассказывали о сослуживцах, которые дезертировали и примыкали к талибам, но то были единицы. И меняли они сторону по религиозным убеждениям. Этот вопрос затрагивать Димон не хотел. Сам он был атеистом, но с уважением относился к верующим, какому бы богу они ни молились. Журналистское расследование зашло в тупик. Правдин уже хотел отказаться от идеи, как познакомился с дядькой Ибрагимом.

То был пожилой узбек. Держал ресторанчик национальной кухни, где готовили лучший в Москве плов. Димону это заведение показал один из афганцев, и ему так понравилась и еда, и атмосфера, что он стал туда захаживать. Если не обе-

дал, то пил чай и курил кальян. Ибрагим сам подошел к нему знакомиться, разговорились. Оказалось, старик знал о войне в Афгане не понаслышке. Жил на пограничной территории, сталкивался и с советскими солдатами, и с талибами. Не кривя душой, рассказывал о том, что помогал едой и водой и тем и другим. Задавали вопросы, отвечал. Требовали спрятать кого-то, делал это. Боялся за семью, детей малых, вот и проявлял лояльность.

– Как-то ночью в дверь моего дома постучали. Не кулаком – прикладом. Я открыл. На пороге стояли двое: мужчина-талиб и русская женщина, но в традиционной одежде мусульманки.

– Как вы поняли, что она русская? – задал уточняющий вопрос Димон.

– Физиономия у нее была... Как у вас говорят? – Он пыхнул дымом. Разговор велся за кальяном. – Рязанская?

– Да, есть такое выражение, – хмыкнул тот.

– А еще разговаривала она на пушту, но ругалась по-русски. Материлась то есть. Мужчина ее Фатимой называл. Но она Анечка или Танечка. Я так понял, она была любовницей моджахеда. И дезертиркой. Служила в рядах Советской армии, но переметнулась.

– Медсестрой была или переводчиком?

– Не могу сказать точно, но думаю, снайпером. При ней была винтовка с оптикой. И держала Фатима ее уверенно.

– Что эти двое от вас хотели?

– Женщине нужен был ночлег, возможность отдохнуть, помыться и переодеться. Была осень 1988 года. Все понимали, что советские войска вот-вот выведут. Остаться в Афгане Фатима то ли не хотела, то ли не могла. Скорее последнее. Комитет госбезопасности тогда еще был практически всемогущ. И если бы чекисты нашли ее, то казнили бы как предателя. – Говорил Ибрагим по-русски отлично, его мама преподавала язык в школе, но с заметным акцентом. Как Димон на португальском и испанском. А вот африкаанс его звучал идеально. Правда, писать и читать на нем он не мог, в точности как его друзья детства, почти все они были неграмотными. – Фатима осталась в моем доме на сутки. Спала весь день. Видно, устала очень. Границу можно было безопасно перейти только по горам. Это тяжело.

– Любовник с ней был все это время?

– Нет, ушел. Договаривался, наверное, с проводниками. От нашего горного села до ближайшего городка пятьдесят километров по охраняемой военными дороге или двадцать козьими тропами. Те, кто их знал, очень хорошо на той войне заработали. И людей перевозили, и лекарства, и оружие.

– На чем?

– На мотоцикле с коляской.

Димон подумал, что сам дядька Ибрагим тоже внакладе не оставался. Если не как проводник или контрабандист, то как посредник, схронщик и просто нужный человек имел неплохой доход. Не всякий узбек из горного села может переехать

с семьей в Москву, всех детей пристроить, а для души открыть в столице ресторан. Но эти мысли Димон оставил при себе и продолжил внимательно слушать.

– Отдохнув, Фатима помылась и переделалась в европейскую одежду: штаны, майку, рубашу свободную. На голову натянула панаму. У нее оказались соломенного цвета волосы, заплетенные в косу, дородное тело.

– Настоящая славянская красавица?

– Нет. Но не страшная. Обычная.

– Типичная?

– Да. Незапоминающаяся внешность.

– Никаких особых примет?

– Была одна – наколка на руке. Увидел ее, когда рукав рубашки задрался. Она быстро его одернула, пуговицу застегнула. Спрятала то есть особую свою приметку.

– И что там было выбито?

– Строка из стихотворения великого афганского поэта Ахмед-хана Дури. Знаю это, потому что бывал в кишлаке, где тот жил и творил. Там музей был (а может, и есть). И эта цитата была выбита на могильном камне.

– Поэта?

– Его жены. Она умерла молодой. Девушку убили – в тех краях всегда было беспокойно. Амед-хан посвятил ей оду. После чего уехал из села в столицу, где и скончался. По неофициальной версии, от опиума. В учебниках же написано – от лихорадки. А останки его привезли в родной кишлак

Карагыш. Так что его могила тоже там.

– Как звучала та строка?

Дядька Ибрагим нараспев продекламировал ее.

– Красиво, – отметил Димон. – Но непонятно.

– В переводе «Мы вместе собирались улететь за горизонт, но тебе перебили крылья, а мои опустились сами...»

– В оригинале звучит лучше. – Старик кивнул. – И что, ушла эта женщина?

– Да. Ее спутник, он был одноглазым, с повязкой, как у пирата, посадил Фатиму в люльку, после чего ушел.

– В благодарность оставили винтовку?

– Нет, это очень дорого. Она ее с собой забрала. Наверное, отдала проводнику после того, как благополучно переправилась. Мне патронами отсыпали, и я их продал потом.

– К чему ты мне, дядя Ибрагим, это рассказал? Не просто же так?

– И просто, и не просто. Я старый, люблю поболтать. Но и тебе помочь хочу. Если о ком и снимать документальный фильм, то это о Фатиме. – Он жестом подозвал кальящика, тот поменял угли. От дыма у Димона уже голова кружилась, а старик чувствовал себя прекрасно. – Она вместе с грязными вещами, которые я выкинул, сбросила браслет золотой. Не заметила, у нее много их было. Я решил продать его. Зачем же добру пропадать? Показал знакомому ювелиру-афганцу. Тот напрягся. Спросил, где я его взял. Ответил: нашел. Где? В горах, говорю, недалеко от дома своего. А еще вещи жен-

ские. Ювелир сходил за братом, показал браслет ему. Тот в слезы. Оказалось, украшение его жене принадлежало. Она под обстрел попала, погибла. И с ее трупа все украшения пропали. Конкретно это изготовил ювелир в подарок на свадьбу невесте брата.

– И что было дальше? – Правдин искренне заинтересовался историей. Тогда он не думал, что может раскрутить ее, просто слушал деда Ибрагима как хорошего рассказчика, летописца, но не выдумщика. Он верил ему.

– Они рассказали мне о Фатиме по кличке Шайтан. Сначала она расстреливала русских солдат. Работала как снайпер и как палач. Потом начала убивать без разбора. Среди ее жертв были и мирные жители. Однажды она выстрелила в женщину, которую назвала предательницей.

– Афганку?

– Да. Та была очень красивой, на нее засматривались бойцы. А Фатиме, как я понял, кто-то из них нравился. Она убила ее, но, чтобы не казнили за самосуд, подкинула ей улики, указывающие на сговор с врагом.

– Какая продуманная баба, – пробормотал Димон. – Но встречаются и такие психопаты. Женщин среди них, правда, очень маленький процент.

– Она не была похожа на маньячку. Это не только мое мнение. В селе, где Фатима устроила бойню, ее знали. Никакого удовольствия от убийства она не получала. Но и угрызений совести не испытывала. Мы комаров травим да мух при-

хлопываем, а она так людей.

– Это как раз признак социопатии.

– Я в этих мудреных терминах не разбираюсь. – Старик отложил трубку кальяна. Накурился и наговорился. – Но ты все по полочкам разложишь, когда снимешь фильм о Фатиме-Шайтане. За ее голову давали очень много. Ее смерти хотели и моджахеды, и чекисты. А она улизнула.

– Может, нет? И ее нашли и казнили?

– Допускаю. Но мне почему-то кажется, что она до сих пор здравствует. Ведет обычную жизнь. Разводит собак или печет торты на заказ.

– Работает консьержем. – Димон припомнил женщину, что следила за порядком в его подъезде. У нее лицо такое хмурое, будто она порешила несколько сотен человек.

– Или на почте, – усмехнулся дядька Ибрагим. – Но даже если так, ты ее не найдешь. Зато сможешь снять интересный фильм-расследование.

– Да, очень хочется разобраться в этой истории. Но с чего начать?

– Не мне тебя учить.

– А я бы послушал совета.

– Ты со многими ветеранами успел познакомиться, так? – Димон кивнул. – Узнай у них, кто служил в части, что стояла в кишлаке Карагыш. Отправь запросы в военные архивы, должны рассмотреть. Но это время займет.

– Да, а мне надо быстро.

– Перегореть боишься?

– Что-то вроде этого. Дядька Ибрагим, а ты свой рассказ на камеру повторишь? – Тот покачал головой. – Лицо замаскируем, голос изменим.

– Нет, сынок. Меня не впутывай. Моя хата всегда с краю была, поэтому и выжил.

– Понял тебя.

– Но, если узнаешь что-то, уважь, расскажи.

Он пообещал и показать тоже.

Выйдя из ресторана, Димон набрал одного давнего приятеля. Вместе работали на Центральном телевидении. И ушли оттуда почти одновременно. Димон по своей воле, приятеля попросили. Уволить хотели, да побоялись. Он монтажером работал, а развлекался взломом баз, декодированием, созданием вирусных программ. Как-то встроил в репортаж двадцать пятый кадр с призывом к митингу. После этого и хотели погнать поганой метлой, но приятель намекнул начальству на то, что имеет компромат на всех, включая генерального, и сольет его в Сеть. Решили расстаться с монтажером мирно. Еще и премию квартальную выдали.

Сейчас приятель обитал на Кипре. Сидел на вилле, играл в «Доту». Зарабатывал этим большие деньги. Ради прикола иногда взламывал базы. Димон надеялся, что он сделает это и для него.

Приятель не отказал. И уже утром Правдин получил данные обо всех служащих части № 1122. В том числе переве-

денных в другую, погибших, пропавших без вести. Женщин среди них было немного. И все же полтора десятка. Имя одной Димон узнал, уж очень оно было красивое – Лаура. Об этой девушке он слышал от командира мотострелковой роты Петрухи. Девушка работала в штабе, и офицер был в нее влюблен. Платонически, поскольку на гражданке его ждала жена. По словам Петрухи, чувства не прошли и через тридцать пять лет, и он на каждый день рождения Лауры отправлял ей посылкой коробку любимых конфет «Красный мак». А в ответ получал открытку с благодарностью.

Жила Лаура в Подмосковье, и Правдин отправился к ней в гости. Решил лично поговорить, а не по телефону. Заодно воздухом подышать.

Женщина встретила его приветливо. Усадила на диван, налила чаю. Димон объяснил, зачем приехал. Лаура выслушала, после чего достала из серванта фотоальбом.

– Есть общий снимок, – сказала она. – На нем все мы, девчонки-служащие в части. Вот это я, – указала на самую красивую. У Петрухи губа была не дура. – Дина, Маша, Зульфия и Фима. Скорее всего, вам нужна последняя.

Димон сверился со списком. Была в нем Серафима Сивохина. Секретарь-машинистка.

– Она любила ходить в музей Ахмеда-хана Дури. Учила пушту, чтобы читать стихи в оригинале. Но никакой татуировки у нее не было. По крайней мере, на тот момент. – И указала на дату: «24 апреля 1984 г.». – Мы вместе всего че-

тыре месяца прослужили. Мой годовой контракт истекал, я продлевать его не стала. Вернулась домой.

– С подругами поддерживали связь?

– У меня были натянутые отношения с остальными девушками.

– Завидовали вам, красавице, да?

– Они считали меня любимицей начальника части, – нейтрально ответила Лаура. Она еще и не гордячка! Просто прелесть, а не женщина. – Козни строили. Я поэтому не осталась в армии. В остальном служба мне нравилась. Но тогда и спокойно у нас было. Мы же штабные, нас перебрасывали. Карагыш был третьим местом дислокации. И самым милым. Потом начались обстрелы, нападения, даже бомбежки.

– Какой Фима вам запомнилась? – Он переводил взгляд с фото из архива на то, что лежало перед ним. Прав был дядька Ибрагим, лицо никакое. Если на документах все примерно одинаковые, то на любительских кадрах люди показывали свою индивидуальность. Кто улыбку, кто прищур, кто, если о девушках говорить, фирменную прическу, макияж. А Фима и на общем снимке безликая. Остальные позируют, одна руки за голову закинула, будто потягивается, другая цветочек кокетливо за ушко заправила, третья восточную танцовщицу изображает, Лаура держит веер из сложенной гармошкой газеты. И только Фима стоит истуканом. И без улыбки смотрит пустыми глазами в объектив.

– Она была скромной, спокойной, трудолюбивой.

– Черти в этом тихом омуте водились?

Лаура задумалась.

– Она подбросила в мои кеды кусок стекла.

– Зачем?

– У нас в части проводились «Веселые старты». Знаете, что это?

– Конечно. Это командные соревнования. Бег, прыжки, эстафета.

– А я думала, молодежь уже и не помнит... – Она перевернула страницу альбома. На фото, что предстало перед глазами Димона, была красавица Лаура с кубком, наполненным конфетками. – Это приз за конкурс капитанов. Ими всегда делали нас, девочек. В команде парни, а во главе представительница слабого пола. Я спортивная была, поэтому во всех конкурсах выигрывала. Зная, как я люблю конфеты «Красный мак», ребята наполняли ими кубок. Но Фима захотела подвинуть меня. Поэтому воспользовалась запрещенным приемом.

– Это точно была она? Может, остальные завистницы?

– Намедни она стакан разбила. Осколки собрала, но не все выкинула.

– Созналась?

– Нет. Но и оправдываться не стала. Просто сказала: «Это не я!»

– Фима сделала это, чтобы расположение девчонок заслужить?

– Она со всеми ладила. С одной, поварихой Диной, тесно дружила.

– Значит, вас на место поставить вздумала? Или лучше сказать, свергнуть?

– А может, просто захотела вкусных конфеток? Она любила сладенькое, а нас особо не баловали шоколадом. «Школьные» и «Батончики», кусковой сахар, вот и все лакомства. А тут «Красный мак». И бонусом – победа и дальнейшее расположение девочек. – Она заметила удивление на его лице и рассмеялась. – Чему вы поражаетесь? В женских коллективах и не то бывает. В обычных НИИ, паспортных столах, сберкассах сотрудницы такие диверсии устраивают, что стекляшка в обуви – это детская шалость.

– Еще вопрос. Фима хорошо стреляла?

– Неплохо. Как и мы все. Нас учили этому. Даже машинистки и поварихи на войне должны уметь управляться с оружием. – Лаура развернула конфету «Красный мак». Правдин привез подарочный пакет, чтоб не с пустыми руками. – Не те стали, – констатировала она, откусив. – Я вам нисколько не помогла, да?

– Напротив. Теперь я знаю, кого искать.

– Почему вы ею заинтересовались?

– Есть вероятность того, что эта круглолицая деревенская девчушка превратилась в безжалостную убийцу Фатиму. – Правдин попросил разрешения отсканировать на телефон групповой снимок из альбома. – Но я смотрю на нее и удив-

ляюсь, как эта пышка могла воевать наравне с мужчинами? И выжить, когда здоровенные горцы гибли пачками?

– Фима была спортивной и очень выносливой. Она могла меня одолеть в капитанском конкурсе и без запрещенных приемов, но решила не рисковать.

На этом они беседу закончили. Димон отправился на ЖД станцию.

Приехал он в поселок на электричке, на ней же намеревался возвращаться в город. В Москве он не имел машины. Передвигался на метро, ночами брал такси. При необходимости арендовал авто. Друзья-приятели подтрунивали над ним. А некоторые поражались. Сосед, с которым Димон смотрел футбол под пиво, узнав, что тот собирается за город на электричке, ужаснулся:

– Ты чего, как чмошник поедешь? Давай подброшу, у меня завтра выходной.

– Нет, спасибо. Я люблю электрички.

– Португальские и испанские? Кататься от Барсы до Бланеса? Ты в наших давно ездил?

– А ты?

– Моя нога уже лет десять не ступала на заплеванный пол тамбура.

– Сейчас нормальные пригородные поезда ходят. Там чисто, спокойно, есть туалеты и даже кондиционеры. Прикинь? Как в Португалии.

– Не гони!

– Хочешь, завтра вместе прокатимся? У тебя как раз выходной.

Сосед, естественно, отказался. А Димон с удовольствием прокатился по железной дороге. Он рассматривал пассажиров и пейзажи за окном. На обратном же пути таранился в планшет. Судя по данным, Серафима Сивохина через полгода была переведена в другую часть. По собственному желанию. Оно показалось Правдину странным, поскольку девушка захотела стать санитаркой. Сидела себе в штабе, печатала, участвовала в «Веселых стартах», в музей ходила и вдруг решила стать членом медбригады при десантно-штурмовом батальоне. Это настоящая война. Санитарки в ней наравне с бойцами участвуют. Они раненых с поля боя выносят, рискуя жизнями.

Что же такое случилось с Фимой, что она сбежала из штаба на передовую? Или за кем-то туда отправилась?

Правдин опять изучил списки. В них ответов не нашел. Нужно отыскать еще кого-то, кто лично был знаком с Серафимой, но уже из части № 5140. Там она прослужила еще меньше, три месяца. Но за это время приняла участие в нескольких боях, спасла много жизней. Санитарка Сивохина прекрасно зарекомендовала себя, о чем свидетельствуют записи в ее личном деле.

Фима пропала после крупного боя с отрядом моджахедов полевого командира Мухтара. Она и еще несколько человек. Предположительно, они попали в плен. Тела четверых были

найлены. А две женщины так и остались в списках «пропавшие без вести». Раиса Гарипова и Серафима Сивохина.

– Марк, помогай, – выпалил Димон в трубку, снова связавшись с другом-хакером.

– Нужна еще информация?

– Да. По Серафиме Сивохиной 1964 года рождения. – Он продиктовал остальные данные из личного дела. – Все, что есть, найди.

– Это все?

– Нет. Мне нужны имена тех, кто служил вместе с ней в части № 5140.

– Во всей?

– Да, – неуверенно протянул Димон. Он не представлял, сколько это народу. Как выяснилось, он очень мало знал об афганской войне. – Может, какая-то программа есть?

– Напишу, это не проблема. Но я пока ничего не понял из твоего лепета.

– Сейчас все расскажу...

Не успел Правдин домой зайти и накормить Хорхе, как позвонил Марк. С их разговора прошло два часа.

– Нашел я человечка. Служил в автобригаде шофером. Водил медицинскую машину. В том бою, после которого Серафима пропала, был ранен. После чего отправлен на родину.

– Как зовут?

– Илья Хомяков. Между прочим, подполковник в отстав-

ке. Я скинул на почту все его данные. Он жив, но не совсем здоров.

– Все равно нужно встретиться. Где он живет?

– Еще одна хорошая новость – в Сочи. Совместишь полезное с приятным, поработаешь и отдохнешь. В Краснодарском крае сейчас двадцать градусов тепла.

– Надо глянуть билеты.

– Я уже это сделал. Завтра в девять утра из Шереметьево летит «Норд Винд». Места есть.

– Отлично. Как раз успею пристроить кота и собрать походный рюкзак. Спасибо, друг.

– Не за что. Я помогаю тебе, а ты мне.

– А я чем?

– Не даешь заскучать. Собирайся, не буду отвлекать. Завтра созвонимся.

Они попрощались, и Димон уселся за компьютер, чтобы забронировать билет до Сочи.

\* \* \*

Димона усадили за стол. Отказываться от обеда он не стал из уважения к хозяевам.

Их было двое. Хома и Абдула. Боевые товарищи. Военно-афганцы... Инвалиды.

Один – слепой колясочник, другой – хромой и контуженный. Но оба дееспособные, сильные духом. Пока Абдула ра-

ботал, как молодой и здоровый мужик, Хома приготовил обед. Как смог, так и сделал. Овощи и зелень нарезал неаккуратно, что-то просыпал, уронил на пол. Подлива говяжьего гуляша убежала на плиту.

– Водку будешь? – спросил у Димона Илья Хомяков, колясочник.

– Нет, спасибо.

– А я приму пять капель. Абдула, налей.

Тот подошел к холодильнику, открыл его и констатировал:

– Водки нет.

– В летней кухне она. – Они сидели в доме. – Ты спрятал ее от меня. Думаешь, не знаю?

– Нет, ты выпил.

– А ну, дай руку.

– Зачем?

– Дай!

Абдула вложил свою лапищу в маленькую ладошку друга.

– Врешь же!

– Да как ты понимаешь это? – воскликнул Абдула.

– Я тебя, брат, чувствую. Иди за беленькой. Обещаю, напиваться не буду.

Тот, кто по документам был Иваном, вышел из дома. А Хома хихикнул:

– Не понимает, дурак, что я считаю его пульс. Если учащенный, значит, волнуется. А Абдула, когда врет, всегда вол-

нуется. Лгать ему Аллах запрещает.

– Вы давно знакомы?

– Больше тридцати лет. Оказались в Афгане в одно и то же время.

– А служили?

– В разных частях. Абдула был разведчиком, а я так...

– У вас очень высокое звание – подполковник.

– Я крыса тыловая. Нам повышение легче получить, потому в живых чаще остаемся! – И захохотал. Дима хихикнул, поняв, что это шутка. – В Афгане я рядовым был. Простым водилой. Но вернулся уже младшим сержантом. – Димон все об этом знал. Изучал дело Хомякова в полете. – Демобилизовался в звании «старшего». А там пошло-поехало. Не успевал звезды обмывать.

Вернулся Абдула с бутылкой. В ней чуть меньше половины.

Он налил другу водки. Себе и гостю компота из абрикосов.

Чокнулись и принялись за еду. Димон подцепил дольку помидора, отправил ее в рот. Сделал глоток компота. Думал, прокисший, но он оказался свежим, насыщенным. Рискнул испробовать гуляш. Тоже хорошо. Абдула сунул ему кусок хлеба, чтобы Правдин обмакнул его в подливку.

– Очень вкусно, – констатировал он.

– А ты сомневался? – хмыкнул Хома. – Я отлично готовлю. У слепых другие чувства обостряются, и я лучше улав-

ливаю вкус, запах.

– Ты всегда умел кашеварить, – возразил Абдула. – У тебя талант.

– Да, нужно было стать поваром. Был бы сейчас здоровым, толстым, богатым. И наверняка женатым на какой-нибудь молоденькой цыпочке... Но я хотел защищать родину от врагов! – Хома шарахнул кулаком по столу. Посуда на нем подпрыгнула. А Димон подскочил на своем табурете. Только Абдула не шелохнулся. – Идея была во мне. Патриотизм. Огонь. Жажда справедливости.

– Все это в тебе по-прежнему есть, – успокаивающе похлопал друга по плечу Абдула. – В этом никто не сомневается. Ты дай молодому человеку сказать, зачем он пришел.

– Знаю, зачем. Налей-ка мне.

– Нет, вы не знаете, – бросил реплику Димон. Тарелку он отодвинул, а компот решил допить.

– О давно забытой войне хочешь побеседовать, так? Мне же звонили из ветеранского центра, а им из московского. О тебе говорят.

– Меня интересует конкретная личность. Женщина, что служила вместе с вами. Ее звали Серафимой. Вы должны ее помнить. Она санитаркой была при медчасти десантного батальона.

Хома протянул руку, чтобы взять бутылку. Не промахнулся. И ни капли не пролил, наполняя свою стопку.

– Как она выглядела? – спросил он, опрокинув в себя вод-

ку.

– Славянская внешность, плотное телосложение. У меня есть фото, но вам, к сожалению, оно не поможет.

– Абдуле покажи.

Правдин достал телефон, открыл скан снимка из альбома Лауры. Друг Хомя глянул на него.

– Обычная девушка. Даже не знаю, как ее описать. Пухленькая, светленькая, круглолицая. Волосы длинные, в косу заплетенные.

– Нет, что-то не припоминаю...

– У нее была на руке татуировка с написанными вязью строками из...

– Стихотворения?

– Точно! – обрадовался Димон.

– Да, была такая девушка. Она обожала какого-то афганского поэта. Постоянно таскала при себе его книгу. Декламировала стихи. Была немного странной. Поэтому наколола на руке не номер части или звезду, как остальные, а слова на пушту. Ее за это могли наказать. Вражеский язык как-никак. Вдруг пропаганда, призыв к убийству?

– Не наказали?

– Не успели. На нас духи напали. Многих тогда убили, кого-то ранили, меня в том числе. А некоторых в плен взяли. Среди них и Серафима была.

– Она в списках пропавших без вести. – Пока Димон ничего нового не услышал, а хотел бы. Зря, что ли, такой путь

проделал? Только ради отдыха на море? Но не до него сейчас.

– Убили ее день на третий. А то и раньше. После того как по кругу пустили. Может, и не по одному.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.